

Елена Райдос

ИГРА В РЕАЛЬНОСТЬ

ПУТЬ

16+

Елена Райдос
Игра в Реальность. Путь
Серия «Игра в Реальность», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51775562

SelfPub; 2021

Аннотация

Наша жизнь – это ПУТЬ. Иногда простой и лёгкий, но гораздо чаще – тернистый и полный опасностей. На этом пути у нас нет задачи прийти в какое-то конкретное место, ценность имеет путь сам по себе. Он даёт нам ощущение полноты жизни, позволяя понять себя и окружающий нас мир. Именно пройденный путь определяет наш текущий статус в Игре в Реальность. Жизненный путь двух братьев Гора и Сабина начался в одной точке, но затем их пути разошлись, когда они стали смертельными врагами. Третья часть серии «Игра в Реальность» возвращает читателей к истокам этой трагической истории. Как водится, всё оказывается не тем, чем кажется на первый взгляд.

Содержание

Часть 1. Отец	4
Глава 1	8
Глава 2	32
Глава 3	63
В начале пути...	84
Глава 4	125
В начале пути...	127
В начале пути...	141
Глава 5	162
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Елена Райдос

Игра в Реальность. Путь

Часть 1. Отец

С вершины скалы весь посёлок был виден как на ладони. Сверкающая змейка реки прорезала себе дорогу между сопками и убегала куда-то вдаль к заходящему солнцу. Было самое начало августа, но здесь, на севере, осень уже вступила в свои права. Склоны сопки, что ещё совсем недавно сливались в однотонный зелёный ковёр, теперь пестрели яркими пятнами жёлто-красной палитры от спокойной охры до благородного бордо. Под ногами аппетитно алели островки брусники, изумрудная зелень низкорослого кедровника приятно оттеняла буйство красок.

Венн больше всего любил это время года, когда на короткое время блёклая тундровая растительность вдруг превращалась в разноцветную клумбу. Он стоял у самого края обрыва и в последний раз любовался красотами северной осени. Пришла пора покинуть этот суровый край, где он прожил так много лет, здесь стало слишком людно. Люди, к сожалению, не в состоянии жить, не размножаясь как кролики, рано или поздно им становится тесно в своём доме, и они отправляются завоёвывать чужой. Это уже происходило

в долгой жизни Венна и не раз, когда весь его род снимался с насиженных мест и отправлялся в неизвестность искать лучшей доли.

Казалось бы, давно пора было привыкнуть и смириться с неизбежным. И всё-таки на сердце Венна снова лежала печаль, ведь далеко не всем жителям посёлка будет разрешено последовать за своим предводителем. Только мужчины и женщины рода юкагиров и дети, рождённые от их брака, могли надеяться обрести новый дом в дальних краях. Остальные останутся. Никто не станет гнать их из посёлка, но Венн уже знал из прошлого опыта, что без надёжной защиты и мудрого управления посёлок вскоре зачахнет и превратится в одно из многочисленных мелких стойбищ местных племён. Сам Венн не жил непосредственно в посёлке, тот служил лишь порталом для перехода в его мир. Но он привык заботиться о его жителях, все они были ему как дети.

Его звали Венном, хотя это не было его настоящим именем. Человеческое горло не приспособлено, чтобы правильно произнести имя, которым его нарекли при рождении. Когда-то очень давно веннами называли его народ, могущественный и многочисленный. По сравнению с людьми, венны выглядели настоящими великанами. Однако после последнего обновления Игры воплощаться в теле такого размера стало невозможно, и теперь Венн выглядел как человек, разве что довольно высокий и плотного телосложения. На этот раз Создатель не стал полностью стирать Реальность Игры, и

на том спасибо. И всё-таки изменения были слишком значительные, чтобы прежние величественные формы животной и растительной жизни остались неизменными. Всё измельчало, сделалось каким-то невзрачным, и венны начали уходить из этой Реальности, их сознания проходили трансформацию и воплощались в мирах с высшей мерностью.

Теперь от его племени в этой Реальности почти никого не осталось. Самому Венну тоже давно пора было присоединиться к своим соплеменникам, его сознание уже с трудом цеплялось за материальность этого мира. Но уйти он не мог, оставалось одно дело, которое держало его не хуже стальных цепей. Ему пока так и не удалось передать свои знания и силы преемнику, а без этого его расе суждено будет погибнуть, сознания соплеменников, включая и его собственное, будут насильно поглощены сознанием Создателя.

Венн слишком долго ждал, пока его первенец, первое проявленное им сознание, обретёт достаточно разума и могущества, чтобы стать достойным преемником древнего сакрального знания. Казалось, всё шло по плану, мальчик вырос почти настоящим венном. Блестящий рациональный ум, способность управлять практически любым сообществом существ, сильная воля и бесстрашие. Хотя кое-что человеческое в нём всё-таки имелось. Парень оказался слишком чувствительным, и эта его слабость сыграла злую шутку с миссией Венна.

Отцу пришлось всерьёз потрудиться, чтобы избавить сво-

его преемника от этой напасти. И вот, когда, казалось бы, все преграды для его развития были успешно устранены, вместо того, чтобы развиваться, сын, напротив, стал деградировать. Поначалу это было незаметно, и Венн к своему стыду упустил момент, когда изменения стали необратимы. И вот закономерный результат: преемник отправился на перевоплощение. На то, чтобы ждать его возвращения в эту Реальность и заново воспитывать до требуемого уровня, у Венна времени уже не осталось.

Глава 1

Санджей не спеша шёл на кухню под монотонное пение, доносившееся из открытых дверей главного храма. Сегодня был третий день огненного ритуала, и в храме исполняли цог Сипи Джалмо, защитницы бон. Местные пацаны, как всегда, нагло протиснулись вперёд и расхватали что полегче, а им с Таши опять оставили тяжеленные чайники с тибетским чаем. Это была уже набившая оскомину привычная практика беспардонных собратьев по монастырской школе. Поначалу Санджей возмущался, пытался как-то бороться с такой несправедливостью, но постепенно привык. В конце концов, они с Таши были гораздо крупнее и сильнее тибетских сверстников. Кому же ещё таскать тяжести?

Друг дожидался его у скамьи, на которой стояли два медных чайника, уже наполненные мерзким мутноватым напитком цвета беж. Санджей терпеть не мог тибетский чай, один его запах вызывал у него приступ тошноты. Так что раздачу чая монахам и гостям во время пуджи он почитал за тяжкую повинность, чем-то вроде отработки кармы. Такой настрой помогал мальчику смириться с неприятной утренней рутинной.

– Санни, помоги поставить чайник на пол,– Таши просительно посмотрел другу в глаза,– налили сегодня под завязку.

Санджей снисходительно улыбнулся и играючи снял чайник с высокой лавки. Они с Таши были одного возраста и примерно одного роста, но Санджей выглядел явно крепче своего довольно сублильного друга, и с возрастом разница в их телосложении становилась всё более заметной. Впрочем, даже когда они совсем ещё малышами впервые появились в монастыре, никто не назвал бы их братьями. Мальчишки различались как день и ночь или, если хотите, как инь и ян. Таши был светленький, с тонкими чертами лица и прямыми волосами, напоминавшими солому. Его серые глаза были такими светлыми, что в темноте, казалось, светились как два светлячка, белёсые ресницы и брови были совсем незаметны на его вечно улыбающейся физиономии, а его белую кожу не брал даже горный загар. Санджей был полной противоположностью своего приятеля, смуглый, почти как местные жители, с чёрными жёсткими кудрями и яркими чувственными губами, длинные чёрные ресницы оттеняли его пронзительно синие глаза. Мальчиков объединяло только одно, никто даже в страшном сне не смог бы назвать их тибетцами.

О том, как два европейских мальчика стали монахами бонского монастыря, в округе ходили легенды и нелепые слухи, и только один человек точно знал, как всё было на самом деле. Впервые Ринпоче обратил внимание на молодую болезненного вида женщину с двумя детьми, когда пришёл в гестхаус навестить очередную группу ретритчиков из далёкой России, которым он читал лекции и давал наставле-

ния на практики. В сущности, сама женщина была ничем не примечательна. Худенькая, невзрачная, она вечно куталась в тёплую шаль, даже днём, когда впору было загорать в купальнике, если бы позволяли строгие монастырские правила. Внимание ламы привлекли два её мальчугана. Им было не больше трёх лет, но вели они себя на удивление тихо и покладисто, за весь вечер ни разу даже не закапризничали.

Детки с увлечением играли вместе, не обращая внимания на взрослое окружение. Ринпоче сразу отметил, с какой теплотой и заботой мальчики относились друг к другу, как радостно делились игрушками и вкусностями, как спешили на помощь, если один из них падал. Когда кто-то из группы позвал светленького и дал ему конфетку, тот сразу же побежал к своему приятелю делиться сладостью. Это было довольно непривычное поведение для маленьких детей, ведь далеко не каждый взрослый в нашем мире способен на проявление подобных братских чувств. Впрочем, в тот вечер Ринпоче списал этот феномен на западный менталитет и не стал слишком заморачиваться выяснением природы такого поведения.

Ретритная группа через неделю уехала, а женщина с детьми осталась жить в гестхаусе. Оказалось, что она была тяжело больна и испробовала уже практически все доступные ей средства, чтобы спастись. Тибетская медицина, похоже, была её последней надеждой. Каждый день женщина уходила в медицинский центр, который располагался в со-

седнем с гестхаусом доме, а малыши оставались на несколько часов одни. Местная кухарка взялась за ними присматривать, но по-хорошему этого и не требовалось, мальчишки и сами отлично справлялись.

Через две недели после отъезда группы один из постояльцев гестхауса пришёл к ламе и передал ему просьбу той женщины, чтобы он навестил её как можно скорее. Просьба не то чтобы шокировала, но была довольно необычной, если не сказать, неприличной. Так было не принято. Если кто-то хотел видеть Ринпоче, то ему следовало самому прийти к нему на встречу, а не присылать приглашение с нарочным. И всё же лама не отказался, он обещал зайти, когда у него будет время. Время нашлось только вечером следующего дня. Ринпоче постучал в дверь на третьем этаже гестхауса, но никто не бросился ему отворять. В комнате было тихо, хотя там горел приглушённый свет, что-то вроде ночника. Лама подумал, что, уложив малышей спать, женщина, видимо, поднялась в столовую, было как раз время ужина. Он уже собрался уходить, но что-то его остановило буквально в последнюю секунду. Интуиция заставила его толкнуть дверь и заглянуть внутрь.

Женщина лежала на кровати, её глаза были распахнуты, но она уже ничего не видела, взгляд неподвижно уставился в потолок. Её рот был открыт, словно она пыталась сделать ещё один глоток воздуха посиневшими губами, но не смогла. Одна рука покойной безжизненно свисала с кровати, а

другая судорожно сжимала какой-то конверт. Малыши мирно посапывали на соседней кровати, даже не подозревая, что остались совсем одни. Судя по всему, смерть бедняжки наступила совсем недавно и внезапно, она даже не успела позвать на помощь. Ринпоче разжал сведённые мёртвой хваткой пальцы и вытащил помятый конверт. На конверте корявыми тибетскими буквами было написано его имя. Сильно заинтригованный, лама достал сложенный вчетверо листок, вырванный из тетрадки в клеточку.

В своём прощальном письме женщина признавалась, что мальчики не были её детьми, что они были круглыми сиротами, у них вообще не осталось родных. Она умоляла ламу приютить сироток в монастыре и сделать их монахами. Похорошему нужно было вызвать полицейских и определить малышей в приют, тем более, что они явно не имели никакого отношения ни к тибетцам, ни к индусам, населявшим окрестные горы. Но поступить так Ринпоче не смог. Он выполнил последнюю волю умершей и не в последнюю очередь потому, что легкомысленно проигнорировал призыв о помощи от одинокой больной женщины.

Малышей пристроили у монашек в женской части монастыря, что располагалась на противоположной стороне долины. Поначалу мальчишки ещё говорили на каком-то своём языке, которого никто здесь не понимал, но через полгода позабыли его, как и свои прежние имена, тибетский язык стал для них родным. Белобрысого мальчугана называли Та-

ши, а чернявого – Санджей. Вскоре разница в их облике перестала так сильно бросаться в глаза. В соответствии с местными обычаями их побрили наголо и одели в одинаковую одежду. В семь лет мальчишки переехали в мужскую часть монастыря и поступили в монашескую школу.

Время никак не отразилось на их отношениях. Они по-прежнему оставались неразлучны и заботились друг о друге, как настоящие братья. А вот с тибетскими сверстниками дружба не задалась. Местные малыши восприняли двух неразлучных европейцев как укор своим собственным не слишком альтруистичным наклонностям и всячески старались доказать их второсортность, что, впрочем, не особо удавалось. Ни в интеллекте, ни в силе тибетским мальчишкам с европейцами было не сравниться, зато в наглости и беспардонности они могли дать им сто очков вперёд, вот как в случае с чайниками.

Через боковой вход Санджей вслед за другом втащил чайник с чаем в храм, где монахи как раз заканчивали петь посвящение заслуг и готовились к завтраку. Первое, что бросилось ему в глаза, был постамент с подношениями, представлявший собой поистине грандиозное сооружение. Европейцы, заказавшие ритуал явно не поскупились. Сразу было видно, что монахам пришлось сгонять машину за всеми этими вкусностями в город, а это больше часа езды по горному серпантину в каждую сторону. Но оно того стоило, защитница должна остаться довольна.

Тибетские мальчишки, подбирая полы бордовых ряс, уже разносили лепёшки и цампу по рядам монахов, закончивших первую часть цога. Таши со своим чайником поковылял в дальнюю часть храма, и Санджей понял, что поить гостей, явившихся на пуджу, на этот раз придётся ему. Он привычно прихватил стопку бумажных стаканчиков и пошёл вдоль задней стены храма, где на подушках и ковриках расселись заказчики ритуала. Их было человек пятнадцать, в основном мужчины. Среди заказчиков было всего две престарелые тётки, которые скромно притулились у центрального входа, прямо на сквозняке. Санджей из принципа начал разливать чай именно с них, пусть хоть немного согреются, видно же, что уже дрожат от холода. Он медленно двигался вдоль цепочки гостей, те послушно подставляли стаканчики и с благодарностью принимали подношение в виде солоноватой мутной жижи.

– И как только они могут это пить? – мысленно проворчал Санджей. – Противное жирное пойло, и пахнет ячьим маслом. – Сам он с раннего детства отказывался от тибетского чая и пил только воду, а вот Таши с удовольствием хлебал этот не то чай, не то суп и радовался жизни. Санджей не переставал удивляться кулинарным наклонностям друга. – Ну ладно, тибетцы, – возмущался он, – у них любовь к этому напитку, по-видимому, врождённая. Но малыш Таши ведь к этой расе не принадлежит, а туда же.

Светловолосый парень лет двадцати, закутанный по са-

мый нос в ячий плед, сидел в ряду самым последним. Санджей облегченно вздохнул и протянул ему бумажный стаканчик. Струя горячего чая ударилась в доньшко, осыпая брызгами протянутую руку. Парень встрепенулся и поднял осуждающий взгляд на непутёвого монашка. Санджей смущенно улыбнулся, но тут их глаза встретились, и монашка будто ударило током. Ему померещилось, что ярко-голубые глаза гостя засветились в темноте храма странным мерцающим светом. Мелькнула шальная мысль, что он уже видел такое раньше, вот эти самые сияющие островки летнего неба на бледном лице. Только принадлежало то лицо вовсе не парню, а совсем молоденькой девушке с забавной причёской, похожей на одуванчик. И в тот раз голубые глаза блестели не от радостного возбуждения, как сейчас, а от слез.

Санджей вдруг совершенно ясно увидел, как круглая блестящая слезинка, не удержавшись, сорвалась с пушистых ресниц и ручейком стекла по щеке к подбородку незнакомки. Громкое шипение выдернуло его из транса, словно морковку из грядки, горячий чай, переполнив стаканчик, лился на колени голубоглазого парня. Монашек очнулся и в смущении бросился вытирать гостя своей накидкой, но тот только отмахнулся.

– Ничего страшного, – тихо сказал парень по-тибетски и улыбнулся так ласково и так знакомо, что у Санджея перехватило дыхание.

К счастью, никто из лам не заметил его промашки, и после

завтрака монахи продолжили своё пение в штатном режиме. Мальчишки, один за другим, выбрались из храма и разошлись по своим делам, в связи с ритуалом занятия на сегодня были отменены. Таши, по своему обыкновению, направился в храм защитников, там как раз начиналась утренняя пуджа. Санджей, сколько ни думал, так и не смог понять любовь своего друга к этим пуджам, да и к самому храму защитников тоже. Храм был совсем маленький и какой-то неуютный, все статуи защитников там были отгорожены от посетителей стеклянной перегородкой, да ещё и укрыты плотными покрывалами, чтобы их лиц никто не мог увидеть. Пуджи обычно исполнял всего один лама, они были довольно однообразные, без специальных звуковых эффектов. Скукотища. Но Таши от этого храма было за уши не оттащить.

От нечего делать, Санджей пошёл в свою комнату и завалился на кровать в надежде подремать пару часиков перед огненным ритуалом. Спать ему, в общем-то, не хотелось, но, как только его голова коснулась подушки, он провалился в сон практически мгновенно.

Маленькая комнатка была облицована белой кафельной плиткой, в углу располагалась довольно большая ванна, из блестящего крана тонкой струйкой лилась вода. Девушка лежала в ванной, вода доставала ей до середины груди. Санджею стало не по себе, ему было неловко подглядывать за представительницей противоположного пола в столь интимной обстановке. Однако очень быстро он разглядел, что

девушка принимала водные процедуры прямо в одежде, на ней были джинсы и жёлтая маечка с каким-то однотонным рисунком. И это была та самая голубоглазая девушка, что привиделась ему во время пуджи в храме.

В правой руке она держала большой кухонный нож, а её левая рука была погружена в воду, и на ней по всей длине от запястья до локтя чернел глубокий разрез. Из раны бордовыми змейками вытекала кровь, и вода в ванной была уже красной от этой крови. Девушка не двигалась, её лицо застыло словно маска, оно было белее даже кафельной плитки. В первую минуту Санджей подумал, что она мёртвая, но тут с ресницы самоубийцы скатилась слезинка и быстро заскользила по щеке, оставляя за собой блестящую дорожку. Добежав до подбородка, слезинка чуть помедлила, а затем сорвалась и плюхнулась в красную воду. Нет, девушка была жива, вернее, живы были только её глаза, и в этих голубых глазах была такая мука, что мальчик не выдержал и заорал от ужаса.

– Санни, что с тобой? Очнись! – Таши тряс друга за плечи и истерично всхлипывал, в его взгляде застыл страх, похоже, он уже давно пытался разбудить своего друга. Санджей открыл глаза и тоже всхлипнул. Друг облегчённо вздохнул и крепко прижал его к груди.

– Это был просто сон, – голос Таши всё ещё немного дрожал от волнения. – Расскажи, отчего ты так кричал, тебе станет легче.

Когда Таши вот так говорил, мягко, но убедительно, с ним невозможно было спорить. Санджей это знал очень хорошо, а потому даже не попытался улизнуть от разговора. Он доверчиво пересказал свой сон, но легче ему не стало, наоборот, его начало трясти как в лихорадке. Таши заботливо укутал друга в одеяло и лёг рядом, стараясь согреть его своим теплом. Только через полчаса нервная дрожь отступила, и Санджей смог подняться.

– Тебе нужно отвлечься, – деловито распорядился Таши, – пойдём погуляем.

Они выползли из своей комнаты и направились по дорожке вокруг монастыря к площадке перед ступой, где как раз заканчивались приготовления к ритуалу. С горки мальчишки могли видеть, как монахи приволокли большой медный чан для масла и начали пристраивать его на тагане над фигуркой демона, слепленного из чёрной смолы. Мешать занятым своим делом людям им совсем не хотелось, поэтому друзья решили обойти место ритуала по склону горы и подняться повыше, туда, где они частенько вдвоём встречали рассвет. Это была небольшая ровная полянка, расположенная на высоте двухсот метров над монастырём. Оттуда открывался замечательный вид на все окрестности, но монахи почему-то никогда не забредали в это место, наверное, у них было полно своих дел. А вот друзья давно уже облюбовали полянку, чтобы время от времени уединяться от своих тибетских сверстников.

Однако на этот раз судьба вмешалась в планы двух путешественников, лама, руководивший подготовкой к ритуалу, заметил праздно шатающихся монашков и быстренько нашёл им занятие. Таши отправился в главный храм за какими-то причиндалами для ритуала, а Санджея послали в библиотеку с поручением к одному из учителей. Такое распределение заданий было вполне логичным, с некоторых пор монастырская библиотека стала для Санджея родным домом. Всё своё свободное время он проводил именно в этом здании, у него даже было официальное разрешение от Ринпоче на то, чтобы читать древние тексты.

Для двенадцатилетнего мальчишки такое положение было весьма нетрадиционным, если не сказать, экзотичным, а всё началось с одного скандального происшествия, которое приключилось, когда ему только-только исполнилось восемь. Однажды лама, учивший бонским премудростям их класс в школе для монахов, отправился жаловаться на Санджея аж к самому лопону. Нет, претензий к успеваемости ученика у него не было, тот легко запоминал тексты любой длины и сложности, однако настырный монашек совершенно не давал учителю спокойно вести занятия, всё время встречал с вопросами и замечаниями. Мало того, негодник ещё и позволял себе спорить с наставником.

Лопон выслушал расстроенного ламу и попросил Ринпоче, который в своё время распорядился судьбой двух сироток, разобраться с одним из его протеже. Вот так Санджей

впервые оказался в гостях у своего будущего учителя. Разговор был долгий и очень интересный, причём для обоих его участников. После первой беседы последовали и другие. Через какое-то время мальчик с разрешения ламы перестал посещать занятия в классе и стал заниматься самостоятельно, учитель открыл для него доступ в библиотеку.

Вскоре Санджей стал частым гостем в жилище Ринпоче, Таши тоже время от времени посещал учителя вместе со своим другом, но в дискуссиях почти не участвовал, интеллектуальные упражнения были ему не особо интересны. Зато Санджей погрузился в древние тексты с головой и пропадавал в библиотеке дни напролёт. Лопон поначалу возмутился нестандартным воспитательным методом Ринпоче, но после разговора с Санджеем согласился с его решением. Через некоторое время выяснилось, что мальчик обладает просто феноменальными способностями к языкам, и лопон даже подключил его к своей работе над словарём для перевода текстов с языка Шанг-Шунга.

Когда детки подросли, и пришло время для участия в монашеских диспутах, на Санджея тут же началась настоящая психическая атака, уж больно тибетских учащихся раздражал его особый статус. Но не тут-то было, загнать всезнайку в угол не удалось даже взрослым монахам. В итоге, тибетцы всеми силами стали избегать перспективы оказаться партнёром Санджея по диспуту. Одного только малыша Таши не смущало гарантированное поражение, он с готовностью под-

ставлял свою бритую макушку под неотразимые аргументы своего друга и искренне радовался его победам.

Выполнив поручение ламы, Санджей решил задержаться в библиотеке. Гулять одному было неинтересно, а Таши, похоже, припахали помогать с ритуалом по полной программе. Для молодого монашка не было ничего более увлекательного, чем изучение древних писаний, так что лучшего способа отвлечься от приснившегося кошмара придумать было сложно. Санджей достал со стеллажа начатый пару дней назад текст и уволок его в свой закуток за шкафом, там у него было любимое место для занятий.

Прошло не менее двух часов. Мальчик так увлёкся, что не заметил, как за окном начало смеркаться. Вполне возможно, что он вообще пропустил бы начало ритуала, если бы ни голоса, внезапно раздавшиеся за стенкой его шкафа. Двое говорили на тибетском, причём для одного из собеседников этот язык явно не был родным, иностранец путался в словах и запинаясь. Его голос был Санджею незнаком, зато во втором говорившем он с удивлением узнал голос друга. Невольный свидетель затаил дыхание, его поразило то, с какой интонацией говорил малыш Таши. Создавалось впечатление, что беседовал не двенадцатилетний пацан, а вполне взрослый мужчина, при этом Таши явно доминировал в этом тандеме.

– Ты должен уехать, – безапелляционно заявил он.

– Вообще-то, у меня другие планы, – в голосе иностранца

слышалось неприкрытое раздражение.

– Поверь, я не стал бы настаивать, если бы это не было так серьёзно, – голос Таши немного смягчился. – Я понимаю, что ты не из праздного любопытства сюда приехал, но так уж сложились обстоятельства.

– Чего ты паникуешь, – огрызнулся его собеседник, – рано или поздно это всё равно должно было случиться.

– Он ещё не готов, – Таши тяжело вздохнул. – Прошу тебя, уезжай.

В этот момент из открытого окна донёсся протяжный звук раковины, это был сигнал к началу ритуала.

– Потом поговорим, – собеседник Таши отодвинул стул и поднялся.

Раздались торопливые шаги, хлопнула входная дверь, и всё стихло. Санджей тоже по-быстрому сложил тексты в стопку и вернул их на положенное место. Нужно было срочно выбираться из библиотеки, ещё ни хватало, чтобы его тут ненароком заперли. По дороге к месту проведения ритуала Санджей не переставал обдумывать услышанное в библиотеке. По всему выходило, что Таши требовал, чтобы какой-то иностранец уехал из Тингри, что, вообще-то, было вопиющим нарушением дисциплины. И всё же не это сейчас тревожило молодого монашка, у него возникло подозрение, что эти двое говорили о нём. А если так, то что же тогда неминуемо должно случиться? К чему он пока не готов? И связано ли это с тем кошмаром, что приснился ему днём?

Таши уже поджидал друга в толпе монахов, собравшихся на ритуал, никаких иностранцев рядом с ним не было.

– Где ты пропадал? – он радостно замахал руками, подзывая опоздавшего. – Я тебя обыскался.

– В библиотеке, – ответил Санджей, исподтишка наблюдая за реакцией Таши. Он надеялся увидеть смущение или растерянность друга, однако никакой особой реакции не последовало.

– Понятно, – весело рассмеялся тот, – занимался любимым делом, ковырялся в текстах. Это ты правильно надумал, нет ничего лучше, чтобы отвлечься от дурных снов.

Если бы Санджей собственными ушами ни слышал того разговора, то мог бы поклясться, что Таши вообще не был в библиотеке, настолько невинно прозвучал его голос.

– К чему я не готов? – в лоб спросил он, чтобы спровоцировать друга на откровенный разговор, хитрить и плести интриги было абсолютно не в характере Санджея, лучше было сразу всё прояснить. Однако его лобовая атака не принесла желаемого результата.

– Это ты про ритуал? – Таши захлопал своими невинными глазками, словно совершенно не понял, о чём речь.

Санджей только рукой махнул. Не то чтобы его сомнения рассеялись, просто он понял, что правды сейчас не добьётся, и решил отложить решение этой задачки на потом.

– Красота! – Вертер вздохнул полной грудью. – Самое луч-

шее время на севере – это весна.

Была вторая половина июня, но здесь, рядом с плато Путорана, это соответствовало началу весны, когда всё, что могло, распускалось и благоухало. Под ногами раскинулся ковёр из полевых цветов, среди зелени низкорослых кедров заросли цветущего кустарника смотрелись как разноцветные шары. Вертер стоял на краю высокого скалистого обрыва вместе с Антоном и Алисой. Сверху открывался потрясающий вид на долину, по дну которой вилась сверкающая на солнце река. На берегу водного потока расположился небольшой посёлок оленеводов. Среди редкой растительности были видны верхушки чумов, несколько полупрозрачных дымок лениво поднимались к голубым небесам.

– Когда же это ты успел заценить северную весну? – ехидно поинтересовался Антон.

– Между прочим, я жил вот в таком же посёлке в одном из предыдущих воплощений, – Вертер обиженно нахмурился, – правда, тот посёлок был не на равнине, а в гористой местности. Там были настоящие скалы и ущелья, да и сам посёлок был раз в десять побольше.

Вертер продолжал ностальгировать, но Антон его больше не слушал, он задумчиво смотрел вниз и думал о чём-то своём.

– Лиса, а ты точно жила с Сабиним в этом посёлке? – Вертер снова встрял в мысли Творца. – Что-то он кажется слегка заброшенным.

– Посёлок точно этот,– подтвердила Алиса,– но он действительно выглядит странно.

– Где ж вы там жили,– удивился Вертер,– в вигваме, что ли?

– Не в вигваме, а в чуме,– Алиса весело рассмеялась.

– Один чёрт,– Вертер тоже заулыбался,– что, действительно прямо в этой оленьей палатке?

– Нет, конечно,– Алиса заслонила глаза от солнца и приналась вглядываться в очертания далёкого посёлка,– у нас был просторный деревянный дом.

– Лиса, скажи, пожалуйста, кто управлял посёлком в то время,– Антон повернулся к ней лицом.

– Хочешь знать, видела ли я отца,– уточнила Алиса. – Нет, не видела. Хотя у меня тогда была почти полная амнезия, я и себя-то толком не помнила, не то что отца, которого видела в последний раз пятьсот лет назад. Возможно, он появлялся, да я его не признала. Заправляли в посёлке двое мужчин. Один был уже в возрасте, где-то под пятьдесят, его звали Сегвар, а второму едва ли исполнилось тридцать. Вот имени его я уже не помню. Сабин в дела посёлка не лез, но эта парочка перед ним так лебезила, что аж противно было.

– А кто там вообще жил в ту пору,– продолжал расспрашивать Антон,– белые или местные монголоиды?

– В основном, белые,– Алиса прищурилась от яркого солнца,– чукчи тоже были, но мало, человек двадцать, не больше.

– Ну что ж, пойдём, поглядим на посёлок вблизи? – предложил Антон.

– Давно пора, – хмыкнул Вертер, – я вас прикрою, если что. Через несколько секунд они уже стояли посередине посёлка и удивлённо озирались по сторонам. То, что осталось от некогда значительного поселения, сейчас едва ли заслуживало даже названия «посёлок», скорее, это было маленькое стойбище оленеводов. Несколько чумов, три десятка чукчей и небольшое стадо оленей, вот и всё, что открылось глазам незваных гостей. Немного побродив по стойбищу, они всё-таки обнаружили развалины многочисленных деревянных строений. Сейчас в них никто не жил, кроме ветра и, возможно, привидений. Пока Вертер с Алисой исследовали остатки домов, Антон пошёл к реке, развалины были ему совершенно неинтересны. Он уселся у самой воды и отрешённо уставился на быстрый полноводный поток. На душе у Творца было тоскливо, разочарование оказалось слишком сильным.

Антон затеял эту поездку на плато Путорана ещё пять лет назад, когда покинул Высший Совет и открыл доступ своим ангелочкам в базовую Реальность. О целесообразности и безопасности этого шага в Совете было довольно много споров, ещё жива была память о том, чем закончилось прошлое пришествие ангелов в наш мир. Однако Антон был твёрд в своём решении и готов за него отвечать, так что Совет поделаться ничего не смог. Что ж, отвечать ему пришлось по пол-

ной программе, прошло совсем немного времени, прежде чем начались первые проблемы. Только на этот раз опасность уже грозила не людям, а самим ангелам. Они оказались слишком хороши для человеческого социума, слишком открыты, доброжелательны и, главное, абсолютно бесстрашны.

В ангельском мире, созданном Антоном специально для своих творений, ангелы большую часть времени проводили вне своих материальных тел и привыкли относиться к телу как к одежде. Испортилась – поменял, и всего делов. Вот только в базовой Реальности такой подход был чреват гибелью материальной оболочки. Хорошо ещё, что ангелы могли покидать свои тела по желанию, и смерть тела не отправляла их на перевоплощение, но для их Создателя жизнь превратилась в сплошную спасательную операцию. Долгих пять лет он вместе с Вертером и позже Даней, сыном Вертера, носился по миру в поисках облажавшихся ангелочков и вытаскивал их из различных передряг. О том, чтобы заняться поисками отца, пришлось на время забыть. Наконец ангелы более или менее адаптировались к человеческой жизни, и давняя мечта их Создателя наконец осуществилась. А что в результате? Зброшенный посёлок и никаких следов прежних жителей. Ниточка оборвалась, и нужно было начинать поиски с самого начала.

– Куда же все подевались? – голос Алисы вывел Антона из задумчивости. – Не могли же они все умереть.

– Похоже, переехали, – беспечно отозвался Вертер. – То-

ха, а зачем тебе понадобился твой отец? Ты ж его, поди, лет пятьсот не видел. И что-то я раньше не замечал, чтобы ты по этому поводу заморачивался. Чего тебя вдруг потянуло в эту глушь?

– Вер, я же тебе рассказывал эту историю,– отмахнулся Антон.

– Это про ваше с Лисой кармическое проклятье? – уточнил Вертер.

– Никакое это было не проклятье,– возмутилась Алиса,– я сама связала наши судьбы по веннскому обычаю.

– Ух ты! – Вертер недоверчиво покачал головой. – А тебе-то откуда про такие обычаи известно? Сабин рассказал?

– Сабин сам об этом знает только понаслышке,– Алиса гордо выпрямилась,– такими способностями обладают только женщины веннов.

– Хочешь сказать, что ты произошла из этой расы? – скептически хмыкнул Вертер. – Кстати, а что про веннов вообще известно, кроме того, что они населяли Землю до людей?

– Вообще-то, Лиса действительно из веннов,– заметил Антон,– мой отец и Сабин, кстати, тоже. Сабин, правда, нечистокровный. Венны были гораздо могущественнее людей и правили в нашем мире, даже когда людей уже было большинство.

– Тоха, значит, ты тоже венн, раз твой отец и брат из этой расы,– Вертер скептически оглядел друга с ног до головы. – Что-то не похож.

– Нет, Вер, я человек,– покачал головой Антон,– таким уж меня сотворил мой Создатель.

– Что-то я совсем запутался в ветках твоего генеалогического древа,– рассмеялся Вертер.

– Не бери в голову,– Антон весело улыбнулся. – Главное, сейчас мы вместе, а вот мой отец куда-то запропастился.

– Да с чего ты взял, что он ещё жив? Сколько ему должно быть сейчас лет? – на лице Вертера появилась скептическая гримаса.

– Около тысячи, я полагаю,– задумчиво проговорил Антон,– но умереть он не мог, он же Создатель.

– Выходит, это у вас семейное,– хохотнул друг,– против зова крови не попрёшь, однако. Кстати, ты ведь тоже уже был Создателем, когда Сабин тебя прикончил. Не забыл ещё?

– Это, конечно, правда,– Антон тяжело вздохнул,– увы, никто не бессмертен. Но что-то мне подсказывает, что отец жив.

– Так ты и не объяснил, зачем ты его ищешь,– подсказал Вертер.

– Видишь ли, дружище, он не лез в мою жизнь пятьсот лет, хотя Сабин расправлялся со мной в десятках наших с Лисой воплощениях,– Антон, как бы извиняясь, посмотрел на любимую,– а в этой жизни отчего-то решил вмешаться. Я почти уверен, что это именно он спас Лису при крушении вертолёта, а потом послал мне сон, который вытащил меня буквально с того света.

– Ну проявил милосердие, – Вертер пожал плечами, – и что с того? Папочка всё-таки.

– Нет, Вер, милосердие тут ни при чём, – возразила Алиса. – Тоша прав, отец ничего не делает просто так, у него на всё есть причина. Если он нас спас, значит, имеет на нас виды, ну или на одного из нас. Спасать всё равно нужно было обоим, так как погибни один, другой бы тоже умер в течение нескольких дней. Так действует кармическая связь.

– Вот только я этой связи больше не ощущаю, – вздохнул Антон, – с того самого дня, как мне приснился этот сон. Каким-то образом отец смог её разрушить.

– Это же хорошо, разве нет? – Вертер вопросительно посмотрел на своих спутников.

– Наверное, ты прав, – согласился Антон, – но почему-то в последнее время эта загадка не даёт мне покоя, интуиция просто взбесилась и бьёт тревогу. Я должен найти отца и всё выяснить.

– Ну должен, так должен, – Вертер покладисто кивнул. – И как же ты собираешься его искать? Здесь-то его точно нет.

– Пока не знаю, – Антон на секунду задумался, – придётся, наверное, немного попутешествовать, да ещё Ищейку погонять, вдруг она что-нибудь раскопает. Лиса, ты как насчёт путешествий?

– Зачем ты спрашиваешь, – хитро улыбнулась Алиса, – я и без кармической связи никогда от тебя не отстану.

– Тоха, ты только не обижайся, – Вертер виновато потупил

взгляд,— но на этот раз я пас. Тебе же ничего не грозит, пока Сабин ещё маленький. Сколько ему сейчас? Двенадцать, так? А у меня теперь семья, Лика не любит покидать ангельский мир, ведь в базовой Реальности она не может надолго выйти из материального тела, а ей нравится летать.

— Что ты, Вер, у меня и в мыслях не было тащить тебя на поиски моего отца,— Антон замахал руками. — Тебе ещё нужно сына пасти, Данечка совсем завис в своих путешествиях по востоку.

— Даня вчера вернулся,— улыбнулся Вертер. — Кстати, Тоха, у меня тут одна идейка сформировалась, хочу по твоему примеру заняться розыском людей. Мы бы могли с Даней замутировать сыскное агентство. Можно я попользую твою Ищейку?

— Конечно, бери,— обрадовался Антон,— пусть хоть кому-то от неё польза будет.

День близился к закату, сделалось ощутимо прохладней, и, откуда ни возьмись, налетели с противным звоном тучи комаров. Остаться в посёлке дольше не было никакого смысла, и трое путешественников засобирались домой. Антон с Алисой отправились в мир Дачи, а Вертер — к своей семье в ангельский мир.

Глава 2

– Я всё-таки не понимаю, почему именно мне снится прошлая жизнь,– Санджей тоскливо посмотрел на учителя,– а остальные люди разве раньше не жили?

– Это вовсе не причина, чтобы расстраиваться,– заверил своего ученика Ринпоче. – Напротив, то, что ты что-то помнишь о своём прошлом воплощении, свидетельствует о высокой степени реализованности твоего ума.

Мальчик тяжело вздохнул, такая реализованность его совсем не радовала. Он далеко не сразу решился довериться своему учителю, целую неделю мужественно страдал в одиночку и даже другу не признавался, что сон про белокурую самоубийцу снится ему каждую ночь. Санджей научился не кричать от ужаса и даже умудрялся снова заснуть часа через два, и всё же хроническое недосыпание начало сказываться на его самочувствии. Таши не преминул это заметить и, недолго думая, обратился к Ринпоче за помощью. После обстоятельного осмотра пациента лама выдал свой вердикт: сон про самоубийцу – это не что иное, как воспоминание о прошлой жизни.

– Значит, в прошлом воплощении я покончил с собой,– глаза Санджея подозрительно заблестели.

– Не думаю,– учитель меланхолично улыбнулся,– ты же не видишь себя в теле самоубийцы.

– Тогда почему я стою и ничего не делаю,– в отчаянии простонал сновидец,– почему я даже не пытаюсь спасти ту девушку?

– А вот это очень хороший вопрос,– Ринпоче одобрительно кивнул. – В этом сне заключена важная для тебя информация, тебе нужно найти способ её извлечь.

– Но я же всё Вам рассказал во всех подробностях,– возразил ученик,– там больше ничего нет.

– Возможно, нужная тебе информация пока скрыта,– подсказал учитель,– тебе стоит как следует рассмотреть то место, где ты находишься во сне.

– Как же я это сделаю? – Санджей в полном недоумении воззрился на Ринпоче. – Это же сон.

– Ты что-нибудь слышал об осознанных сновидениях? – поинтересовался тот. – Я тебя научу осознавать себя во сне, это совсем нетрудно,– пообещал он, видя, что ученик отрицательно крутит головой.

Белокурая девушка снова тихо роняла слёзы в окровавленную воду. Санджей с заметным усилием оторвал свой взгляд от её лица и опустил глаза вниз. Собственные руки никак не хотели оказываться в поле его зрения, но уроки Ринпоче не пропали даром, Санджею наконец удалось сосредоточиться на своих ладонях, и от увиденного он едва ни вывалился из сна. Из его пальцев медленно выползали чёрные блестящие змейки и извиваясь плюхались на пол. Собственно, в этом и заключался смысл метода с руками, невозможно

ность происходящего сразу позволила сновидцу распознать, что он находится внутри сна и обрести некоторую свободу воли.

Санджей с любопытством осмотрелся, где-то здесь должна была находиться подсказка, о которой говорил Ринпоче. В первый момент ничего интересного он не заметил, а потом его взгляд наткнулся на зеркало, висевшее над раковиной. В зеркале отражался черноволосый мужчина средних лет, равнодушно наблюдавший за тем, как умирает несчастная молоденькая девушка, в его взгляде не было ничего, кроме лёгкого любопытства. Мужчина и не собирался спасти самоубийцу, возможно, он даже хотел, чтобы она умерла. Однако вовсе не безразличие наблюдателя привело сновидца в смятение, у мужчины были такие же синие глаза, как и у самого Санджея. Точь-в-точь.

– Вот, значит, что я должен был понять, – догадался мальчик, вынырнув из кошмара. – Получается, в прошлом воплощении я был либо равнодушным свидетелем самоубийства, либо вообще убийцей. И как мне теперь с этим жить?

Санджей так и не смог больше заснуть, он лежал, уставившись невидящими глазами в потолок, и тихо плакал. Перед его внутренним взором стоял тот черноволосый мужчина с равнодушными синими глазами. Таши, как только проснулся, сразу понял, что с другом приключилась беда. Он, конечно, понимал, что рано или поздно воспоминания начнут возвращаться к Сабину, но никак не ожидал, что они вызовут

такой шок. Всё-таки в своей прошлой жизни Творец-отступник отнюдь не был чувствительной барышней и не раз совершал ужасные поступки. Вот хотя бы убил самого Таши, которого тогда звали Дэлвигом. Собственно, из-за этого убийства они с Сабином и оказались вместе в новом воплощении. Вот такой забавный сценарий в Игре уготовил Создатель для ангела и злодея.

Ангел совершенно сознательно принял свою судьбу, будучи уверенным, что именно ему доверено Создателем перевоспитать злодея и сделать из него паиньку. Недаром память вернулась к нему в пять лет от роду, чтобы добровольный воспитатель смог как следует подготовиться к своей непростой миссии. И поначалу всё шло вполне штатно, Таши отлично справлялся со своей ролью няньки. Увы, теперь ситуация явно начала выходить из-под контроля, и самонадеянный ангел растерялся. Ему срочно требовался совет отца, который по совместительству был ещё и братом злодея. К сожалению, визита Антона в ближайшие дни не предвиделось, а значит, требовалось срочно напрячь ангельские мозги и придумать план по вытаскиванию подопечного из депрессии. И для начала необходимо было понять причину хандры.

Долго вытягивать правду из Санджея не пришлось, ангел обладал уникальной способностью разговорить даже камень. Впрочем, история убийства Дáли, той самой белокурой девушки, была Таши известна, по крайней мере, в общих чертах. Сабин тогда взял под контроль её сознание и заставил

бедняжку перерезать себе вены. Весь ужас состоял в том, что девушка была в полном сознании и отлично понимала, что происходит, но она совершенно была не в состоянии пошевелиться без позволения убийцы, даже моргнуть не могла. Хорошо ещё, что Санджей до таких деталей пока не докопался, а то как бы сам себе вены ни перерезал.

Когда ангел семь лет назад вспомнил своё предыдущее воплощение и осознал свою миссию, его сразу поразило вопиющее несоответствие между злодеем Сабином и добрым преданным другом, которого он называл Санни. Невозможно было себе представить, чтобы эти два человека были одним и тем же сознанием. Поначалу Таши списал этот парадокс на нежный возраст подопечного, но время шло, а Санни не проявлял ни малейшей склонности к превращению в злодея. Ангел честно пытался разобраться в этой загадке, но так и не додумался ни до чего путного. Постепенно загадка отошла на второй план, Таши привык к тому, что рядом всегда находится надёжный и заботливый друг, почти брат. Им было хорошо вдвоём, и ангелочек просто забил на свою великую миссию, Санни незачем было перевоспитывать.

И всё же Таши ни на миг не забывал, что рано или поздно этой братской идиллии придёт конец, как только друг начнёт вспоминать своё ужасное прошлое. Частенько ему становилось страшно от одной только мысли, что он может навсегда потерять Санни, который стал для него самым близким человеком. И вот этот момент настал. Судя по реакции дру-

га, тот был явно пока не готов принять правду о себе. Этот процесс восстановления памяти требовалось замедлить, а то и вообще остановить. Антон мог бы с этим справиться, но его рядом не было. В его отсутствие, по мнению Таши, только покровительство высших сил могло бы сейчас защитить психику друга от удара.

– Санни, давай сходим в храм защитников, – предложил ангел, когда выслушал историю Санджея, – они тебе помогут, правда.

– Чем они могут мне помочь? – отстранённо пробормотал друг. – Разве ты не понял? Это я там стоял и смотрел, как девушка умирает.

– Ты ведь не знаешь всех обстоятельств, – покривил душой ангел, – может быть, ты не мог ей помочь. В любом случае, хуже не будет, а вдруг защитники тебе чего-нибудь подскажут.

Санджей пожал плечами и согласился, спорить с Таши было бесполезно, он это давно уже усвоил. С утра у мальчишек было довольно много дел, так что визит в храм защитников пришлось отложить до вечерней пуджи. Таши был частым посетителем храма, лама его хорошо знал и разрешил мальчикам пройти внутрь, прямо к застеклённой перегородке, за которой находились статуи защитников. Друзья взяли по подушке и скромно уселись на пол в уголке. Пуджа была незамысловатая, из звукового сопровождения лама использовал только барабан. Вскоре Санджею стало скучно, он уже

успел вдоволь помолиться и попросить защитников помочь ему разобраться с его ночным кошмаром, больше тут делать было нечего.

Мальчик выразительно скосил глаза на своего друга, но Таши, похоже, погрузился в медитацию по самые уши и ни на что не обращал внимания. Просто подняться и слинять было как-то неудобно. Раз уж они пришли вместе, то придётся ждать, пока другу не надоест слушать это заунывное пение. Санджей вздохнул и закрыл глаза. Как ни странно, вскоре ритмичные удары и монотонный голос ламы погрузили его в некое подобие транса, он начал проваливаться не то в сон, не то в странное видение. В этом видении он оказался в полутёмном скалистом гроте. Никакого освещения тут не было, только откуда-то сверху лился мутный поток дневного света. Санджею захотелось взглянуть на отверстие в потолке, но, как только он сделал первый шаг, световой столб начал мерцать, и в нём всё явственнее начали проступать очертания фигуры, похожей на человеческую.

Когда бесплотный призрак наконец обрёл материальность, мальчик едва не закричал от ужаса. Ему, разумеется, и раньше приходилось видеть изображения защитников на тханках, но он даже близко не представлял, насколько страшными могут быть настоящие демоны в жизни. Защитник поднял тяжёлые веки, и на нарушителя демонского спокойствия уставились два горящих красным огнём глаза. Зубастая пасть скривилась в издевательской усмешке, и крющ-

коватый палец с огромным чёрным когтем буквально упёрся в грудь Санджею.

– Ты – зло, но даже зло можно использовать во благо, – скрипучий голос защитника звучал только у мальчика в голове, но от этого не делался менее страшным. Санджей, ни жив, ни мёртв, стоял перед демоном на подгибающихся ногах и даже не делал попыток выйти из транса, воля защитника полностью подавила его собственную волю. – Ты сам пришёл ко мне, – продолжал вещать демон, – такова уж твоя карма. Злу здесь не место.

Правая кисть страшилища развернулась ладонью к мальчику, и тот с ужасом увидел, как из середины ладони прямо ему в грудь ударил тонкий голубой луч. Санджей попятился, но луч последовал за ним, как приклеенный. Мальчик поднял голову, чтобы попытаться хоть как-то объяснить с защитником, но почувствовал, что у него всё поплыло перед глазами, а ноги сделались словно бы ватными. Он покачнулся и с трудом удержался в вертикальном положении. Защитник пытался его убить, его, бонского монаха, которого по всем правилам должен защищать. Понимание этого незамысловатого факта совершенно выбило Санджею из колеи.

Нужно было что-то срочно предпринять, например, бежать или бороться, но демон словно бы отнял у своей жертвы способность к сопротивлению. Санджею отчего-то сделалось совершенно безразлично, что с ним сделает это страшилище, главное, чтобы всё побыстрее закончилось. Когда

он уже совсем смирился с неизбежной смертью, воздух между ним и демоном вдруг замерцал, и к их тёплой компании присоединился ещё один персонаж. Таши материализовался прямо из воздуха и загородил собой друга. Он повернулся лицом к защитнику и раскинул руки в стороны, отчего стал напоминать стрекозу. Теперь голубой луч упирался уже в его грудь.

– Ты мне не нужен, мальчик, – в голосе демона послышалось раздражение, – уходи.

Таши упрямо помотал головой, мальчика буквально трясло от ужаса, но он продолжал стоять, закрывая собой Санджея. Через пару секунд первая жертва демонической атаки уже слегка пришла в себя и начала более адекватно осознавать происходящее. Защитник хладнокровно выкачивал жизнь из его друга, ему было безразлично, сколько мальчишек сегодня умрёт. Злость поднялась в душе Санджея яростной волной, за жизнь Таши он готов был отвернуть башку не одному, а целому десятку защитников. Мысль о том, что какой-то мальчишка демону просто на один зуб, ему даже в голову не пришла. То, что Санджей сделал дальше, стало для него самого полной неожиданностью. Он резко выбросил правую руку ладонью вперёд, как это только что сделал демон, только луч, который ударил из середины его ладони, был ослепительно белым. Стоило этому лучу коснуться тела защитника, как оно покрылось трещинами и рассыпалось с оглушительным звоном.

– Санни, очнись,– в голосе Таши явственно звучало отчаяние,– ну пожалуйста, не умирай.

Победитель демона открыл глаза, однако ничего, кроме тусклого света, не увидел, картинка почему-то расплывалась. Только через минуту ему удалось немного сфокусировать взгляд и разглядеть, что над ним склонились две фигуры в бордовых рясах. Судя по голосу, одной из фигур был Таши, а второй, по всей видимости, был лама, проводивший пуджу.

– Нужно срочно остановить кровь,– это уже был голос лама.

– О чём они говорят,– удивился Санджей,– откуда в храме кровь?

Чья-то рука приподняла его в сидячее положение, и мальчик с ужасом увидел, что весь пол храма действительно залит кровью и в добавок засыпан осколками стекла. Уже понимая, что увидит, он скосил глаза в сторону стеклянной перегородки. Одна из рам скалилась острыми стеклянными зубьями, словно в неё бросили камень. А кровь, залившая пол храма, текла из глубокой рваной раны на его правом плече. Таши резким движением оторвал кусок своей монашеской накидки, и лама крепко перетянул плечо неудачливому монашку.

Что было дальше, Санджей пропустил, так как потерял сознание то ли от шока, то ли от кровопотери. Очнулся он уже в своей постели, слабенький, словно новорожденный котё-

нок. Ему мучительно хотелось пить, но сил встать за водой не было. Словно почувствовав, что друг пришёл в себя, Таши моментально оказался рядом. Он приподнял голову раненному, и у его губ появилась кружка с водой.

– Слава буддам, что не тибетский чай, – подумал Санджей, жадно глотая тепловатую жидкость, – сейчас я бы и от этой гадости не отказался.

– Прости меня, Санни, – Таши понурил голову, – я не думал, что так получится, мне и в голову не могло прийти, что защитник на тебя нападёт.

– Мне не за что тебя прощать, – прохрипел раненный, – ты же меня спас.

– Нет, это ты нас обоих спас, – горячо возразил Таши. – Как ты вообще решился напасть на защитника?

– Я и сам не понял, как это получилось, – Санджей судорожно вздохнул. – Это я стекло разбил?

– Со стороны всё выглядело так, будто оно само треснуло и упало прямо на тебя, – Таши погладил друга по голове. – Ты ещё легко отделался, только одна глубокая рана на плече, остальное так, царапины, – Таши наклонился и аккуратно, чтобы не причинить боль, обнял друга. – Я так испугался, – признался он, – там было столько крови, а потом ты потерял сознание. Мне показалось, что ты умер.

Санджей почувствовал, что друг плачет, и обнял его здоровой рукой.

– Таши, почему защитник сказал, что я – зло? – шёпотом

спросил он. – Это из-за той девушки?

– Я не знаю,– соврал Таши,– но лучше тебе к храму защитников больше не приближаться. Ну их всех, я тоже туда ходить не буду.

Таши продолжал ухаживать за другом, пока тот ни окреп достаточно, чтобы вставать и гулять без посторонней помощи, а потом добровольную сиделку, увы, обратно припахали к монастырским обязанностям. Санджей теперь вынужденно проводил много времени в одиночестве, с непривычки ему было скучно. Чтобы немного развлечься, он частенько выползал с утра к главному храму и не без некоторого злорадства любовался, как тибетские пацаны тягают тяжёлые медные чайники. Те бросали на раненного недобрые взгляды исподлобья, но больше никак своё недовольство не демонстрировали, возможно, они ему даже сочувствовали.

Помимо морального удовлетворения, от ранения была и другая польза. Например, Санджея теперь не заставляли заниматься физической работой, да и переписывать тексты он пока не мог. Но главным бонусом оказалось то, что кошмар про девушку-самоубийцу канул в небытие. И мальчик с удовольствием отсыпался за все предыдущие бессонные ночи, а потом, пока все были заняты, забирался повыше в горы, чтобы никто не мешал, и принимался анализировать последние события, пытаясь докопаться до их смысла.

Что ж, материала для анализа было хоть отбавляй. Главной загадкой, которая пока оставалась без ответа, был во-

прос, почему защитник пытался его убить. Санджей уже смирился с тем фактом, что в прошлой жизни он, по-видимому, был плохим человеком, но в этой жизни он ведь не сделал ничего предосудительного. Тогда почему защитник счёл его угрозой? Почему назвал его злом? Для кого может представлять угрозу мальчик двенадцати лет? И ещё одно. Как ему удалось отбиться? В тот момент он действовал инстинктивно, что-то само всплыло из глубины его памяти и принялось действовать помимо воли хозяина. Выходит, в прошлой жизни он обладал силой, способной укротить демона. Это было круто, но всё же жутковато.

Когда правая рука начала его слушаться, Санджей попытался воспроизвести применённую им технику нападения, но на этот раз никакого белого луча из его ладони не появилось. Помучившись с полчаса, он отложил решение этой задачки на будущее. Приближалось время ужина, пора было возвращаться, Санджей устало вздохнул и пошёл вниз к монастырю. Его путь пролегал через ровную полянку на склоне горы, где они с Таши частенько любовались восходом солнца. Мальчик бодро шлёпал сандалиями по утоптанной каменной тропинке, однако, не дойдя до площадки десятков метров, резко притормозил. Под раскидистой низкорослой сосной стояли два человека и разговаривали, причём довольно громко, видимо, они не предполагали, что кто-то может их подслушать. Одним из собеседников был Таши, а в другом Санджей легко узнал Ташиного родственника, кажется,

брата.

Мальчик прислушался, но к своему удивлению и разочарованию понял, что беседа велась на неизвестном ему языке. Или всё-таки известном? Отдельные слова звучали знакомо, вскоре Санджею даже начало казаться, что он понимает их значение. Уловить общий смысл беседы ему, конечно, не удалось, но одну вещь доморощенный лингвист определил чётко. Обращаясь к своему родственнику, Таши называл его «отец». Значение этого слова не вызывало никаких сомнений. Почему друг скрывал, что у него есть отец? Разве в этом есть что-то запретное? Уже второй раз за последний месяц Санджей убедился, что у Таши от него есть секреты. Сначала тот иностранец в библиотеке, а теперь отец. Это было обидно и горько. Упрямо сжав зубы, Санджей решительно шагнул в сторону беседующей парочки.

Чаепитие было в самом разгаре. Весело пофыркивал самовар, отсвечивая круглым медным боком, сладко тянуло дымком от тлеющих шишек. Гном презирал электрические чайники, возню с самоваром он почитал чем-то вроде священного ритуала и никому не доверял это ответственное дело. Стол был уставлен множеством вкусностей, центральное место, разумеется, занимало большое расписное блюдо с ватрушками, без которых Антоша не мыслил своего существования. На улице было уже темно, голоса птиц смолкли, зато кузнечики на лужайке перед домом стрекотали так громко,

что порой заглушали голос рассказчика.

– Лексеич, ты бы слегка убавил громкость, что ли,– проворчал гном,– вон, вояке-то нашему чуть ли не кричать приходится, заглушают кузнецы треклятые.

Вертер травил байки про свою новую работу в сыском агентстве и ничуть не жаловался, ему кузнечики совершенно не мешали. Антон насмешливо усмехнулся и бросил на ворчуна снисходительный взгляд, но стрёкот стал заметно тише.

– Вот спасибо, уважил старика,– миролюбиво отозвался гном, макая очередную ватрушку в малиновое варенье.

– Тоха, да что я всё о себе,– прервал своё повествование Вертер,– мы ж с тобой этот год почти не виделись, встречались, только когда нужно было очередного твоего ангелочка вытаскивать из очередной задницы. Ты пока ещё не забил на поиски отца?

– Нет, с чего бы,– Антон пожал плечами и повернулся к Алисе. – Мы с Лисой уже полмира объездили, плюс десяток альтернативных Реальностей.

– Не надоело? – Вертер скептически хмыкнул. – Сколько можно искать человека, с которым расстался почти шестьсот лет назад. Вероятность найти нулевая.

– Ну зачем же так категорично,– рассмеялся Антон. – Было, конечно, нелегко, но мы его, кажется, обнаружили, да, Лиса?

– Пока не его самого, а мальчишку, которого я запомнила по своей жизни в посёлке,– уточнила Алиса,– но очень по-

хоже, что на этот раз у нас всё-таки получится.

– А причём тут какой-то мальчишка? – удивился Вертер.

– Видишь ли, дружище, – Антон пустился в объяснения, – Творцов и Создателей Ищейка искать не умеет, так что задавать ей поиск непосредственно отца было бессмысленно. Пришлось искать тех, кто предположительно мог находиться рядом с ним в посёлке. Но ведь с тех пор, как Алиса там жила, прошло больше пятидесяти лет. Большинство уже реинкарпировались, причём вовсе не там, где жили раньше.

– Мы проверили около сотни человек, представляешь, – встряла Алиса, – а потом я случайно вспомнила одного малыша. Ему было всего шесть лет тогда, его родители погибли, провалились под лёд, и малыш некоторое время жил у нас с Сабиним. Так вот, оказывается, он до сих пор жив, а значит, должен находиться в посёлке отца.

– Ну не знаю, – Вертер состроил кислую мину, – звучит не слишком обнадеживающе.

– Жаль, что ты так скептически настроен, – Антон хитро улыбнулся, – а мы с Лисой как раз собирались тебя пригласить немного попутешествовать.

– Да я же не отказываюсь, – поспешно сдал назад Вертер. – А куда ехать-то?

– В Перу, – безмятежно ответил Антон, – в джунгли рядом с шикарным вулканом.

– Это что ж такое делается, – запричитал гном, – прямо в лапы к папуасам? Дык, ради чего ж такие напасти?

– Антоша, уймись,– приструнил паникёра Создатель,– там не папуасы, а индейцы, но, вообще-то, это действительно может быть опасно. Так что ты решил, Вер?

– Он ещё спрашивает,– возмутился Вертер,– одного к индейцам я тебя точно не пущу.

Антон весело расхохотался. Его друг никак не мог выйти из ампула крутого вояки и защитника беспомощного Творца. А ведь с тех пор, как Антон раскусил хитроумный алгоритм Сабина, позволявший убивать Творцов, в мире больше не осталось оружия, способного причинить ему вред. Впрочем, в случае с его отцом не стоило быть настолько самоуверенным, оценить нынешние возможности пропавшего родителя не взялся бы никто, даже Сабин, который продолжал оставаться с ним на связи все годы до своей смерти. А уж мотивов этого загадочного венна, наверное, не ведал и сам Создатель.

– А можно я с вами? – голос Лики вывел Антона из задумчивости.

Вертер от неожиданности аж поперхнулся. Лика была, что называется, домоседкой, она редко покидала мир ангелов, предпочитала в отсутствии своего любимого Вертера обходиться без материального тела, а тут вдруг просится в джунгли к индейцам и вулканам. Неожиданно.

– Милая, ты уверена, что хочешь туда поехать? – заискивающе спросил Вертер. – Это же базовая Реальность, там может быть опасно.

– А для тебя разве не опасно? – упрямо заявила Лика. – Я, между прочим, могу в любой момент выйти из тела, мне потом Создатель новое сделает, а вот ты просто умрёшь.

– Типун тебе на язык, девица, – гном трижды плюнул через левое плечо. – Разве ж можно так о любимом-то?

– Гном, не встречай, – огрызнулся Вертер. – Лика, ты неправильно меня поняла. Конечно, поедем, если ты сама этого хочешь, я ещё пока в состоянии тебя защитить хоть от индейцев, хоть от папуасов.

– Вот и славно, – подвёл итог дискуссии Антон, – завтра утром жду вас здесь, после завтрака и отправимся.

Волк отошёл от своего любимчика Вертера и положил голову на колени Антону, из его пасти раздалось вежливое поскуливание.

– И ты туда же, серый, – посетовал Антоша, – хотите бросить старика совсем одного?

– Нет, волчара, – Антон покачал головой, – в первый раз мы тебя с собой не возьмём. Вот когда всё разведем, тогда другое дело. А пока ты гнома защищать должен. От одиночества и скуки, – добавил он ехидно.

Наутро вся компания с помощью Антона перенеслась в небольшой городок, раскинувшийся в долине у подножия величественного вулкана. Судя по его внешнему виду, вулкан давно и надёжно спал, все его склоны поросли деревьями, кустарниками и прочей более мелкой растительностью. Зелёный конус вздымался к небесам почти идеальной пира-

мидой с плоской вершиной, в городке ходили легенды, что в кальдере вулкана располагается озеро с чистой водой. Одна беда, местные жители считали это озеро проклятым и наотрез отказались вести туда глупых туристов даже за неприлично большие деньги. К подножию вулкана – пожалуйста, но ни шагу дальше. По слухам где-то на полдороге к вершине, у реки, берущей начало из того самого проклятого озера, находился посёлок, в котором жило очень воинственное племя. К сожалению, ни одного очевидца найти не удалось, так как никто живым оттуда не возвращался.

Наводка представлялась многообещающей, но без проводника идти к посёлку было как-то стрёмно, заблудиться, как нефиг делать. Увы, других вариантов, похоже не имелось, местные жители были упрямы как бараны. Поэтому, забросив вещи в центральную гостиницу городка, весёлая компания отправилась подкрепиться, а заодно разжиться картой местности. В одном из сувенирных магазинчиков им повезло встретить вменяемого местного охотника, который взялся довести их до развилки, от которой отходила тропа к таинственному посёлку. Хитрый мужичок тут же впарил им дорожные амулеты, которые предположительно должны были защитить их от стрел воинов посёлка. Никакой магии в этих безделушках Антон не обнаружил, но для установления контакта с проводником всё-таки приобрёл парочку размалёванных яркими красками кулончиков.

Наутро герои нетореных троп выступили в поход. В

первую вылазку было решено женщин не брать. Алиса и Лика немного покапризничали для порядка, но всё-таки согласились подождать мужчин в городке. У проводника оказалась в наличие древняя разбитая колымага, на которой они кое-как добрались в самому подножью вулкана, после чего маленький отряд принялся забираться в гору на своих двоих. Пока дорога позволяла идти вдвоём, Вертер не переставал донимать проводника разными вопросами, стараясь выведать у того как можно больше данных о месте назначения.

– Неужели местные до сих пор используют стрелы? – недоверчиво любопытствовал стрелок и мастер меча. Данный метод убийства был им пока не освоен, а потому вызывал живейший интерес.

– Ужасные дикари, – с отвращением сплюнул проводник, – у них стрелы в полтора метра длиной и толстые, как дротики. Человека насквозь пробивают.

Вертер только скептически хмыкнул. Ну это уж точно басни. Чтобы выпустить такую стрелу, лук должен быть, наверное, с человеческий рост. Однако проводник стоял на своём, и дознаватель вскоре прекратил допрос с пристрастием, ввиду откровенной необъективности допрашиваемого. Через три часа хода путешественники добрались наконец до небольшой полянки у подножия вулкана. От неё вверх шла едва заметная тропинка, почти заросшая сочной растительностью. Проводник указал на тропинку и начал прощаться.

– Зря вы это затеяли, – произнёс он напоследок, – но уж раз

решили, пожелаю удачи. Поднимайтесь по тропе и никуда не сворачивайте, тогда не заблудитесь. Вот только в посёлок дикарей вам всё одно не пройти.

– Это ещё почему? – взвился Вертер.

– Увидите, – загадочно улыбнулся проводник и, помахав рукой на прощанье, скрылся в густых зарослях.

– Увидите, – передразнил проводника Вертер. – Что за люди! Слова в простоте от них не дождёшься.

– Вер, ты всё-таки поглядывай по сторонам, – попросил Антон. – Кто их знает, этих дикарей, вдруг они действительно имеют привычку встречать незваных гостей стрелами. Может быть, прикрыть тебя щитом?

– Вот ещё, – фыркнул бравый вояка, – увернусь, если что.

– Ну, да, ну, да, – покивал головой Антон, – это если заметишь.

– Тоха, хватит панику разводить, – Вертер примирительно похлопал друга по плечу, – это просто дикари.

Он проверил, легко ли выходит меч из ножен, и бодро зашагал вперёд по тропе. Антон двинулся следом, с опаской озираясь по сторонам. Целый час разведчики карабкались по узенькой крутой тропке, проклиная жару и москитов. Пару раз они сбивались с пути, тропа была едва заметной, приходилось возвращаться и искать потеряшку в густых зарослях. Когда тропа наконец вывела их на пологое плато, они не поверили своим глазам. Всюду, куда доставал глаз, раскинулась роща вековых эвкалиптов. Пряный аромат эвкалипто-

вой смолы был настолько силён, что у путников даже слегка закружилась голова.

– Круто здесь,– восхитился Вертер,– умеет твой папаша выбирать местожителство.

Тропа начала полого спускаться под горку, потянуло влагой, видимо, река была уже недалеко. Друзья шли через эвкалиптовую рощу, наслаждаясь долгожданной прохладой, о стрелах и прочих страшилках в этой благодной обстановке думать как-то совсем не хотелось. Внезапно Вертер резко затормозил и схватился за голову.

– Тоха, не подходи,– прохрипел он и рухнул на колени.

Антон, естественно, и не подумал послушаться, он рванул на помощь другу и тут же понял, почему Вертер его предупредал. На него нахлынул беспричинный страх на грани неуправляемой паники. Антон по примеру Вертера пригнулся, словно это могло помочь ему спрятаться от этой напасти, в глазах у него потемнело. Сделав несколько ритмичных вдохов, он попробовал взять своё тело под контроль, но, к собственному удивлению, не смог полностью подавить психическую атаку. Алгоритм, управляющий этим ментальным экраном, был слишком изошрённым, чтобы можно было взломать его за пару минут. Всё, на что хватило излишне самоуверенного Творца – это на карачках выползти из зоны действия защитного поля.

– Вот мерзавец,– процедил сквозь зубы Вертер, когда друзья немного перевели дух после приступа панической атаки.

– Это ты о ком? – удивился Антон.

– О проводнике, о ком же ещё, – Вертер скрипнул зубами. – Что ему стоило предупредить о такой засаде?

– Да, это он нас здорово проучил за самонадеянность, – усмехнулся Антон.

– Тоха, а тебя-то почему скрутило? – возмутился друг. – Ты же Творец, должен был нейтрализовать эту пакость на раз.

– Представь себе, не получилось, – Антон весело рассмеялся.

– И чему ты тогда так радуешься? – Вертер с подозрением посмотрел на облажавшегося Творца. – У тебя точно с головой порядок?

– Не понимаешь? – хитро улыбнулся Антон. – Если у меня не получилось, значит, эту, как ты говоришь, пакость сотворил настоящий мастер. Вер, мой отец совершенно точно находится в этом посёлке, мы его нашли.

– А толку-то, – пробурчал Вертер. – Как ты собираешься к нему пробраться? Будешь кричать и звать на помощь? Или думаешь взломать этот алгоритм?

– Ни то и ни другое, – Антон встал и потянулся, – я просто перепрыгну этот щит.

– Круто! – Вертер тоже поднялся и протянул руку. – Ладно, пошли.

– Нет, дружище, туда я пойду один, – покачал головой Антон, – мне так будет проще. Судя по защитному экрану, го-

стей там не ждут, а значит, попытаются убить каждого, кто нарушит эту границу. Мне тебя будет непросто защитить.

– Обижает? – насупился Вертер. – Ну хочешь, накрой меня энергетическим щитом.

– Вер, не веди себя как ребёнок, – Антон обнял друга за плечи, – ты же понимаешь, что я практически бессмертный. На крайняк, оставлю им своё тело, пусть радуются, а сам бесплотным духом прогуляюсь по посёлку. Ты же так не сможешь. Не хочу сразу устраивать войнушку, просто осмотрюсь, и всё.

Однако так просто Вертер не сдался, пришлось Антону надавить на его чувство долга и ответственность за жизнь оставленных в городке женщин. В конце концов здравый смысл всё же победил, Антон остался у щита, а Вертер, ворча и ругаясь, отправился в городок охранять Лику и Алису. Прикинув, насколько глубоким он бы сам сделал такой экран, Антон перенёсся внутрь охраняемой зоны. Здесь никаких тропок уже не было, но этого и не требовалось, под ногами лежал ровный ковёр из мягкой травки, усыпанной сухими листьями. Уловив шум воды, Антон двинулся вниз по пологому спуску. Он шёл открыто, не таясь, специально производя побольше шума, чтобы привлечь охрану. План его был прост: дать себя арестовать и препроводить к начальству, а уж там он найдёт способ связаться с отцом.

Однако этому плану не суждено было сбыться. Тихий свист Антон услышал уже после того, как с удивление увидел

наконечник стрелы, торчащий из груди. Отругав себя за то, что заранее не заблокировал болевые ощущения, он покинул своё тело и завис метрах в пяти над землёй. Если бы Антон не был Творцом, то его смерть была бы практически мгновенной. Длинная толстая стрела, похожая, скорее, на дротик, прошла его тело насквозь, пройдя точно через сердце.

– Вот и не верь после этого слухам, – если честно, то, проникая на охраняемую территорию, Антон всё-таки до конца не верил, что его вот так сразу, без разговоров, тупо попытаются убить. Это было как-то уж слишком даже для отца, который никогда не отличался излишним гуманизмом. – Что ж они тут такие агрессивные? – проворчал он. – Хорошо ещё, что Вертера удалось отправить назад.

Антон висел над своим мёртвым телом и прикидывал, как ему поступить дальше. Можно было бы просто дематериализовать труп вместе со стрелой и сотворить себе новое тело. Но где гарантия, что его не постигнет та же участь? А вот понаблюдать, что будут делать местные, показалось вполне разумным. Местные не заставили себя долго ждать, двое мужчин, одетых в кожаные штаны и безрукавки, озираясь вышли из-за деревьев и приблизились к телу. Ни слова не говоря, они взвалили на плечи труп и бегом направились вниз по склону, Антон бесплотным духом последовал за ними. В душе он ликовал, охранники были обычными белыми европеоидами, точно такими, как его бывшие соплеменники юкагиры, разве что слегка загорели под жарким южным солнцем.

Вскоре охранники со своей добычей достигли окраины посёлка. Несмотря на тропики, по своей структуре и форме домов это был всё тот же старый добрый юкагирский посёлок. Вся разница была только в том, что большинство домов были сложены из стволов пальм, а не из кедров и крыты пальмовыми листьями вместо привычной на севере дранки. Но три дома принципиально выделялись на фоне этих облегчённых конструкций, они были сделаны из настоящего дерева, причём не без изящества и архитектурных изысков в виде резьбы, портиков и колонн. Одно из трёх деревянных строений было больше остальных примерно вдвое, видимо, это было какое-то административное здание. Вот туда-то охранники и поволокли труп нарушителя границы. Похоже, убийство чужаков было в посёлке вполне заурядным событием, на траурную процессию никто из жителей даже не обернулся.

Вслед за охранниками Антон проник в дом, там было прохладно, царил полутьма, приятно пахло какими-то травами. Внутри строение было практически пустым, видимо, оно использовалось для общих собраний и ритуалов. Охранники положили труп на пол и застыли словно статуи, похоже, ожидалось прибытие начальства. Прошло не менее четверти часа, Антон от нетерпения уже весь извёлся. Неужели он наконец увидит отца, с которым расстался почти шестьсот лет назад при не самых весёлых обстоятельствах? Творец, пожалуй, и сам не смог бы ответить, почему предстоящая встре-

ча так его взволновала. Да и тот факт, что он целый год рыл носом землю в поисках сбежавшего невесть куда родителя, был как минимум трудно объясним. Чего он ожидал от этой встречи? Разгадки страшных тайн, сакральных откровений? Возможно, но это было не главное. Ему зачем-то нужно было просто увидеть отца, а своему внутреннему чутью Творец привык доверять.

Дверь отворилась, и в комнату вошли двое мужчин, однако ни один из них не был похож на отца, они даже не были веннами. От разочарования Антон едва ни завыл.

– Глянь-ка, Зор, этот не из местных,– проговорил один из начальников, с любопытством разглядывая труп,– совсем туристы обнаглели. Нужно будет найти лазейку, через которую он пролез.

Второй начальник по имени Зор со скучающим видом глянул на лежащее на полу тело, но даже не подошёл, чтобы его рассмотреть.

– Маргай,– обратился он к одному из охранников,– пусть твои люди бросят труп в озеро. Зачем вы его сюда притащили? Ну белый, и что такого? Туристов вокруг с каждым годом всё больше.

Охранник пожал плечами и наклонился к телу, чтобы, как распорядился начальник, утилизировать его без особых рефлексий.

– Ну нет! – мысленно возмутился Антон. – Это уже ни в какие ворота не лезет. Маньяки какие-то, убили человека

как бы между делом и в ус не дуют. Придётся устроить вам, ребята, небольшой культурный шок.

Он быстренько сотворил себе новое тело, естественно, точно такое же, как валявшийся на полу труп, и тихо подошёл к Зору.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался Творец, – я вам не помешал?

Эффект был достигнут просто замечательный, вся четвёрка застыла с открытыми ртами, переводя взгляды с живого тела на мёртвое и обратно.

– Это, это... – первый начальник, имя которого так и осталось за кадром, завис в начале фразы.

– Близнец, – издевательски подсказал ему Антон.

Начало было прямо-таки триумфальное, а вот дальше всё пошло не по плану. Вместо того, чтобы вступить в разумную дискуссию, Зор сделал охранникам знак рукой, и те в одно мгновение скрутили странного близнеца. Первый начальник подошёл к пленнику и приставил нож к его груди.

– Как ты сюда пробрался? – в его голосе звучала неприкрытая угроза.

Антон решил больше с местными не церемониться, в конце концов, плевать ему на их нравственность. Он сюда пришёл с очень конкретной целью и не уйдёт, пока не получит того, за чем пришёл.

– Мне нужен Венн, – с нажимом проговорил Творец, не обращая внимания на оружие в руке дознавателя, – где он?

Охранники переглянулись с явным недоумением, зато во взглядах начальников мелькнуло откровенное понимание, и это не могло не радовать.

– Сначала ты мне скажешь, как пробрался через барьер,– прорычал начальник с ножом.

– Это запросто,– покладисто согласился Антон,– перепрыгнул. Теперь ты. Как мне увидеть Венна?

Двое начальников переглянулись, в их взглядах не было заметно ни намёка на желание вести переговоры. Зор кивнул, и его собрат снова повернулся к пленнику.

– Вижу, ты не желаешь говорить правду,– с наигранным сожалением проговорил он.

Не успел Антон хоть что-то возразить, как стальное лезвие почти без сопротивления вошло ему в сердце. Хорошо ещё, что на этот раз он заранее позаботился о блокировке болевых ощущений, однако смерть тела была мгновенной, пришлось опять его покинуть. Второй труп бросили рядом с первым, похоже, местным было безразлично, сколько туристов схоронить в озере. Антон понял, что договориться похорошему не получится, нужно было что-то придумать, чтобы выбить этих дикарей из их тупого равнодушия. Он снова сотворил себе тело, но на этот раз дематериализовал оба трупа, а заодно и всё имевшееся в доме холодное оружие.

– Я, кажется, задал вопрос,– спокойно произнёс он.

Четверо мужчин с недоумением смотрели на воскресшего мертвеца, хлопая себя по бокам, где только что висели

их охотничьи ножи. Казалось бы, уже пора было сообразить, что оружие против странного туриста бесполезно, и внести в дискуссию нотку здравого смысла, но нет, Зор быстрым движением выхватил из-за пояса вполне современный пистолет.

– Да что ж вы такие тупые, – посетовал Антон, убирая из Реальности нацеленное на него оружие.

Зор пару секунд смотрел на свою опустевшую ладонь, а затем поднял глаза на пленника, но в его взгляде, увы, не было понимания, только злость и недоумение.

– Кто ты такой?! – прорычал он, делая шаг вперёд.

– Он – Создатель, – раздался очень знакомый голос за спиной у Антона. – Здравствуй, Гор.

Вся четвёрка мгновенно сникла, начальники склонили головы и опустились на одно колено, а охранники вообще распростёрлись ниц. Антон медленно повернулся к отцу, тот выглядел в точности так, как в его детстве, словно они расстались не шестьсот лет назад, а буквально вчера.

– Здравствуй, отец, – произнося приветствие, Антон вдруг ощутил странную лёгкость, как будто то давящее чувство, что заставило его пуститься на поиски отца, вдруг растворилось без остатка. В этот момент он осознал, что уже не понимает, зачем сюда пришёл.

– Рад тебя видеть, сынок. Идём в дом, – Венн подошёл и крепко обнял растерявшегося сына.

Через секунду они уже стояли посередине цветущей поляны перед большим бревенчатым домом. Жары здесь не

ощущалось совсем, кругом, вместо пальм, высились могучие кедры, на горизонте вздымались к небесам снежные пики. Это был пейзаж посёлка, в котором Антон, которого тогда звали Гором, появился на свет.

– Почему опять север? – любопытствовал он, с удовольствием вдыхая прохладный воздух, напоенный запахами хвои и полевых цветов.

– Стар я уже, чтобы что-то менять, – усмехнулся отец. – Проходи, ты здесь не гость, когда-то это был и твой дом.

Глава 3

Таши грустно смотрел в глаза отцу, он уже смирился с пониманием, что не в силах справиться с миссией по воспитанию Сабина, ему срочно требовалась помощь, но какая именно, сформулировать пока не мог.

– Это становится небезопасно,– Антон взял ангела за плечи и развернул к себе лицом. – Малыш, тебе лучше отсюда убраться.

– Поверь, отец, Санни не сделает мне ничего плохого,– Дэлвиг опустил взгляд, чтобы Создатель не заметил сомнения в его глазах.

– Защитник почувствовал в нём угрозу, и не зря,– продолжал настаивать Антон. – Сабин не контролирует свои силы, он может устроить тут конец света даже без злого умысла.

– Ему нужна моя помощь,– вздохнул ангел,– самому ему не справиться. Может быть, стоит на время заблокировать его память? Мне кажется, он ещё не готов.

– Тебе, конечно, видней, Дэл,– согласился Создатель,– ты же его сиделка, но это будет сознательным насилием над его личностью. Ты понимаешь?

– Ты прав, отец,– Дэлвиг вздохнул и отвернулся,– мы не можем так с ним поступить.

Он перевёл понурый взгляд на склон горы, и вдруг в его глазах вдруг взметнулась паника. Антон проследил за взглядом

дом ангела и увидел, что буквально в пяти шагах у них за спиной стоит сам объект обсуждения. Он немного удивился панической реакции ангела на появление его подопечного, но допытываться о причине не стал. Вместо этого, Антон приветливо улыбнулся и направился к мальчику.

– Раз уж так всё сложилось, что ж, значит, пришло время поговорить начистоту, – решил он. Однако реакция монашка на его миролюбивые действия оказалась весьма странной, если не сказать, шокирующей. Мальчик уставился куда-то поверх головы приближающегося мужчины, и его зрачки стали расширяться, а лицо исказилось от ужаса. – Чем же я его так напугал? – удивился Антон, делая ещё один осторожный шаг.

Санджей невольно попятился и, споткнувшись о торчащий корень, грохнулся на землю, не слабо приложившись головой о ствол дерева. Двое заговорщиков бросились к распростёртому на земле мальчику, тот был без сознания то ли от удара, то ли от испуга.

– Я его немного подлатаю? – спросил Антон у Дэлвига. – Его рана мне не нравится, могут остаться последствия, а царапины оставлю, чтобы не было лишних разговоров.

Он уже поднёс руку к глазам бесчувственного мальчика, но тот вдруг резво подскочил и отпрыгнул от незваного целителя на пару метров, парень явно собрался бежать. В самый последний момент ангел всё-таки успел ухватить друга за полу монашеской юбки и прижал к себе его дрожащее те-

ло.

– Что случилось, Санни? – ласково проворковал он. – Это же мой родственник, ты его знаешь.

– Дракон, – Санджей в недоумении оглядывался по сторонам, ужас в его глазах постепенно сменялся удивлением.

Антон невольно поморщился. Как же это пацану удалось увидеть тайный облик Создателя? Именно так он сам визуализировал своё подсознание – в виде всадника на драконе. Значит, процесс восстановления зашёл уже довольно далеко, его брат стремительно возвращал свою память и свои способности.

– Тебе показалось, – успокоительно пролепетал Дэлвиг, – просто голова закружилась. Мы, наверное, пойдём, – добавил он, обращаясь к Антону.

Тот с тревогой посмотрел на своего сына, ситуация ему откровенно не нравилась, второй раз рисковать Дэлвигом он был не готов.

– Похоже, придётся-таки вмешаться в сознание брата, – решил Создатель, – в конце концов, это же в чисто терапевтических целях, ну и чтобы защитить ангелочка, – он уже собрался отключить сознание Санджея, но в этот момент Дэлвиг обернулся и уверенно помотал головой.

– Я справлюсь, – твёрдо произнёс он, – не волнуйся, отец. Двое монашеских быстро скрылись за зарослями кустарника. Таши тянул за собой друга вниз по тропинке, тот не особо упирался, но и не спешил вернуться в монастырь. Вид у

Санджея был растерянный, но страха в глазах уже не было. Где-то на середине дороги, видимо, приняв окончательное решение, он резко остановился и ухватил ангелочка здоровой рукой за плечо.

– Я так больше не хочу, – тон Санджея не оставлял другу никакой надежды увильнуть от разговора. – Ты должен мне всё рассказать, я ведь никогда от тебя ничего не скрывал.

Таши предпринял жалкую попытку уклониться от пронизательного взгляда синих глаз, но это ему не удалось. Он не столько понял, сколько почувствовал, что сейчас решалась судьба их дружбы, если он соврёт, то потеряет Санни навсегда. И ангел смирился.

– Спрашивай, – вздохнул он, – что ты хочешь знать?

– Этот человек наверху, кто он? – в голосе мальчика промелькнула невольная дрожь. – Почему ты называл его отцом?

– Ты вспомнил свой родной язык, здорово! – радостно воскликнул Таши, но наткнувшись на холодный синий взгляд, сразу сник. – Он и есть мой отец, вернее, был в прошлом воплощении, – торопливо пояснил ангел, – но такое остаётся навсегда.

– Значит, ты помнишь своё предыдущее воплощение, – Санджей с удивлением посмотрел на друга. – А меня ты тоже знаешь по прошлой жизни? – Таши кивнул и опустил голову, стараясь не выдать, как ему стало страшно. – Кем я был? Каким ты меня помнишь? – именно этих вопросов ангел бо-

ялся больше всего.

– Я не смогу тебе многого рассказать,– голос Таши прозвучал жалобно, просительно,– я знал тебя всего несколько дней в самом конце твоей жизни,– сейчас для него главным было удержаться на тонкой грани между откровенной ложью и недоговорками.

– И как же я умер? – продолжал допрашивать друга Санджей.

– Я не знаю,– Таши пожал плечами,– я умер раньше тебя. Друзья подавленно молчали. Больше всего на свете Таши боялся того, что Санни догадается, что это он, собственными руками убил ангела, выпил всю его жизненную силу, но, слава буддам, пока это не пришло в его умную голову. А ведь рано или поздно Санджей просто вспомнит о том убийстве. И что тогда будет?

– Я был отъявленным мерзавцем, да? – слова друга прозвучали безучастно, но голос всё-таки дрогнул, выдавая его внутреннюю боль. – Знаю, можешь не отвечать.

– Это неважно,– горячо запротестовал Таши,– ты ведь сейчас совсем другой. Ты мой лучший друг, Санни, я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, малыш Таши,– Санджей печально посмотрел на своего друга и прижал его к своей груди здоровой рукой.

Ангел перевёл дух, вроде бы допрос благополучно перетёк в дружескую беседу. Но оказалось, что он рано обрадовался.

– А тот парень в библиотеке, откуда ты его знаешь? – как бы между прочим, поинтересовался Санджей.

Ангел невольно вздрогнул, а ведь ему тогда показалось, что он полностью развеял подозрительность друга. Ан нет, оказывается, тот только сделал вид, что поверил, а сам просто отложил разборки на потом. И вот это «потом» наступило, и нужно было срочно придумать какое-нибудь нейтральное объяснение.

– Я не знал его лично, просто слышал о нём, – уклончиво ответил Таши.

– Но ты выгнал его из монастыря, – продолжал настаивать друг.

Таши понял, что объясниться всё-таки придётся, причём не врать, но при этом ни в коем случае не навредить и без того уже надломленной психике друга. Как назло, ничего путного ангелу в голову не приходило. Действительно, как объяснить, что он настоял, чтобы вроде бы незнакомый ему человек, да к тому же иностранец, покинул монастырь?

– Из-за него ты начал видеть кошмары, – Таши неловко попытался оправдаться, но слишком поздно понял, что сам себя загнал в логическую ловушку.

Некоторое время Санджей молчал, переваривая услышанное.

– Он и был той самой девушкой-самоубийцей в прошлом воплощении, – это был вовсе не вопрос, просто результат анализа полученных данных. – Или не самоубийцей? – а вот

это уже был вопрос, который Санджей задал сам себе. Он долго молчал, не в силах принять результат построенной им логической цепочки. – Это я её убил, да? – он с надеждой посмотрел в глаза другу, как бы умоляя опровергнуть его догадку, но Таши кивнул и отвернулся.

– Я не хочу, не хочу этого знать! – взорвался Санджей, он закрыл лицо руками и разрыдался.

Таши обнял друга и тоже заплакал, глупый ангел провалил свою миссию, это было очевидно.

– Если хочешь, отец заблокирует возвращение твоей памяти, – промямлил сквозь слёзы неудачник.

– Нет, от него я помощи не приму, – Санджей испуганно замотал головой, – я видел его настоящую сущность, он – дракон.

– Он – Создатель, – Таши улыбнулся сквозь слёзы, – мой Создатель.

Санджей мгновенно перестал плакать и с изумлением уставился на друга.

– Не бывает никаких Создателей, – уверенно отрезал он. – Я перелопатил целую гору текстов, нигде нет даже упоминания о них. – Таши смущённо поднял глаза на самоуверенного всезнайку и пожал плечами. – Откуда ты это знаешь? – с вызовом набросился на друга Санджей.

– Санни, я не совсем человек, – со вздохом признался тот, – я – ангел. В той жизни я просто не мог родиться у человеческой пары. Нас было всего десять, пока я не умер, мы

проявились в Реальности не грудничками, а сразу трёхлетними малышами. Отец нас растил, учил и воспитывал, он сотворил наши тела и наши жилища. Большую часть времени мы жили вне своих материальных тел, могли летать, проходить сквозь стены.

– А это не может быть просто твоей фантазией? – тоскливо спросил Санджей, чьё представление о жизни сейчас претерпевало серьёзную деформацию.

– Хочешь, я выйду из своего тела? – предложил Таши. – Только ненадолго, в этом мире моё тело скоро умрёт, если его оставить без присмотра. Хотя, ты ведь не сможешь меня увидеть, ты пока не восстановил свои былые способности.

– Мои способности?! – Санджей от неожиданности поперхнулся. – Ещё скажи, что я тоже был Создателем.

– Нет, но ты обладал огромной силой, – заверил его ангел, – мог сотворять свои миры. Помнишь, что ты сделал с защитником?

Если Таши думал, что эта новость обрадует его подопечного, то он очень сильно ошибся. Лицо Санджея стало бледным как мел, а зрачки расширились от ужаса. Ангел не на шутку перепугался, что тот сейчас грохнется в обморок.

– Санни, что с тобой, – воскликнул он, – что такого я сказал?

– Нужно это остановить, – прошептал Санджей словно, не слыша слов друга.

– Да что остановить?! – Таши уже почти кричал.

Санджей посмотрел на бьющегося в истерике ангела и как будто пришёл в себя.

– Как же ты не понимаешь, – он в отчаянии всплеснул руками, – я не могу этим управлять. А вдруг эта сила вырвется на волю? Я же могу кого-нибудь убить. Я тебя могу убить, Таши!

Именно об этом предупреждал ангела отец, о том, насколько может быть опасна такая бесконтрольная сила. Таши слышал рассказы о том, как в прошлом его отец сам оказался в подобной ситуации. Его неуправляемое подсознание, помимо воли Создателя, сотворило защитника в образе волка, и это чуть было не закончилось разрушением целого мира и гибелью десятков людей. Таши стало как-то зябко от таких мыслей.

– Глупости! – одёрнул он сам себя. – Это же Санни, он ни за что не причинит мне вред.

– А кроме твоего Создателя, никто не сможет заблокировать мои способности? – жалобно попросил Санджей.

– Отец не сделает тебе ничего плохого, – горячо заступился за своего Создателя ангел, – он же твой брат.

Таши прикусил язык, но было поздно, слова уже были произнесены. Судя по отвисшей челюсти, у подопечного явно наступило шоковое состояние, он просто впал в ступор.

– В смысле, вы были братьями в прошлом воплощении, – поспешил поправиться Таши.

– Пожалуйста, больше ничего не говори, – в голосе друга

слышался откровенный страх,— у меня уже мозги закипают. Зря я к тебе приставал, лучше бы и дальше ничего не знал.

— Только отец теперь появится нескоро,— огорчённо заметил Таши,— может быть, через месяц.

— Ничего, как-нибудь справлюсь,— промямлил подопечный,— раньше ведь справлялся.

Друзья одновременно подняли глаза, Таши неуверенно улыбнулся, и Санджей тоже ответил ему улыбкой. Взявшись за руки, они спустились в монастырь. Словно по уговору, о недавнем откровенном разговоре они больше не упоминали, но оба чувствовали, что стена недоверия, которая начала расти между ними, разрушилась в пыль. Они снова были лучшими друзьями, почти братьями.

Это было странное место, зелёные пологие холмы простирались до самого горизонта, словно морские волны. Двое мужчин стояли рядом, но сразу было видно, что они не вместе. Один был типичным индусом лет под пятьдесят, а вторым был давеиный Создатель, которого Таши называл отцом.

— На колени,— скомандовал индус и вытащил из-за спины изящный меч с крестообразной рукояткой.

Отец Таши спокойно опустился на колени и склонил голову. Индус не спеша обошёл коленопреклонённого человека и встал у него за спиной. Свист воздуха, рассекаемого мечом, прозвучал как птичья трель. Обезглавленное тело рухнуло в траву, а отрубленная голова покатила прямо под ноги

Санджею, оставляя за собой на траве алую дорожку. Эта голова уставилась на него остановившимся взглядом серых глаз. Голова его брата.

Санджей снова проснулся от собственного крика. Таши сразу оказался рядом, он крепко обнял друга и принялся баюкать его, как ребёнка, но тот всё никак не мог успокоиться, бедняга метался словно в бреду и плакал навзрыд.

– Я убил своего брата,– твердил он, задыхаясь от рыданий.

На этот раз Санджей ничего не рассказал ни другу, ни учителю, а Таши и не настаивал, он боялся узнать, что ему снится. Каждую ночь он теперь терпеливо дожидался, когда очередной кошмар заставит Санни кричать от ужаса, и принимался его успокаивать. Так продолжалось неделю. Наконец соседям по общежитию надоело, что их по ночам будят криками, и они пожаловались Ринпоче.

– Тебе нужны серьёзные физические нагрузки,– вынес свой вердикт учитель,– чтобы ты ночью спал без сновидений. Сейчас в монастыре как раз гостит один вьетнамец, мастер боевых искусств. Я попрошу его с тобой позаниматься.

Санджей молча поднял свою правую руку, которая всё ещё была перевязана и двигалась с трудом.

– Вот заодно и руку разработаешь,– улыбнулся Ринпоче.

Мастера боевых искусств звали Ван Дай, что в переводе с Вьетнамского означало большое облако. Это имя подходило ему идеально, вьетнамец был небольшого роста, чуть выше самого Санджея, худой и жилистый, он двигался так лег-

ко, что больше всего его движения напоминали порхание бабочки. Зато удары его изящных ручек могли запросто расколоть толстую доску, а то и кирпич. Всё своё свободное время Санджей теперь проводил вместе с Ван Даем, он намеренно доводил своё тело до полного изнеможения, чтобы только не видеть больше во сне отрубленную голову брата. Избавиться от кошмара удалось далеко не сразу, но мальчик не сдавался, и недели через две страшный сон ушёл в небытие.

Отец и сын сидели перед очагом, в котором весело трещали берёзовые поленья. Несмотря на сотни лет разлуки, они быстро прошли стадию прелюдии к откровенной беседе, пришёл черёд сакраментальных вопросов и откровений, то, чего Антон так страстно желал.

– Скажи, отец, – он развернулся к Венну всем телом, – это ведь ты спас нас с Алисой в этом воплощении. Тот сон, что поднял меня на ноги, когда я уже перестал бороться, это твоих рук дело?

– Догадался всё-таки, – Венн откинулся на подушки и весело рассмеялся. – Надоело смотреть, как твой старший братец бестолково пытается с тобой разделаться. Сколько раз я ему говорил, что вашу с Анарой кармическую связь силой не разорвать, что тупо убивать тебя раз за разом в каждом воплощении бессмысленно. Но Сабин ведь упрямый, что твой осёл, вот я и решил немного поиграть в бога. Вижу, моё вмешательство пошло тебе на пользу.

– А потом, на скале это тоже ты спас мою девочку от волков? – Антон проигнорировал упоминание о том, как брат пятьсот лет охотился на него, как на дикого зверя, ему неприятно было об этом говорить.

– Нет, это ты уже сам, – покачал головой отец. – А ты разве не помнишь, как это устроил?

– Мне просто приснился сон про то, как Сабин спас Алису, – пояснил Антон. – Но я тогда ещё ничего не умел, да и вообще не знал, кто я. Как же я это сделал? Как мне удалось изменить прошлое?

– Прошлое? – Венн весело рассмеялся. – Ушам своим не верю. Ты – Создатель и при этом не понимаешь, что такое время.

– Ты же знаешь, отец, я всегда был не силён в теории, – Антон смущённо улыбнулся. – Так чего же такого важного я не знаю про время?

– Самое важное то, что его не существует, – наставительно провозгласил отец. – Нет, понятие такое есть, а реального явления нет.

– Припоминаю, что-то такое я уже слышал, – задумчиво произнёс Антон, – но был бы благодарен тебе за дополнительные разъяснения.

– Все явления, которые мы называем прошлым, настоящим и будущим, на самом деле существуют одновременно в настоящем моменте, – Венн уселся поудобней и приготовился вещать, как раньше, когда он учил своих сыновей. – Имен-

но так они воспринимаются сознанием нашего Создателя, он разом видит всю картину. А вот наши проявленные сознания на такое не способны, мы можем воспринять лишь небольшой фрагмент, кусочек мозаики. Поэтому нашим сознаниям приходится перемещаться с одного фрагмента к другому, чтобы рассмотреть картину целиком. Вот это перемещение мы и называем временем. Понятно?

– Да, более или менее, – Антон утвердительно кивнул. – А чем отличаются в этом плане Творцы? Мы способны видеть больше?

– Некоторые действительно способны увидеть несколько фрагментов за раз, – согласился отец, – обычно их считают прорицателями или ясновидящими. Но, если честно, преимущества Творцов перед простыми Игроками в этом плане несущественны, всё дело в пути.

– Не понял, – Антон помотал головой, – ты это о чём?

– Путь, по которому сознание перемещается от одного фрагмента мозаики к другому, – пояснил Венн. – Этот путь, в первую очередь, определяется кармой, именно поэтому в нём ясно прослеживается причинно-следственная связь событий. У простых Игроков, как правило, кармически разрешённым является один единственный путь, поэтому их перемещение между фрагментами картины действительно сильно напоминает линейное течение времени из прошлого в будущее. Творцам же кармически открыт целый веер возможностей, и их сознаниям ничто не мешает двигаться так, как

хочется, например, прыгнуть в условное прошлое. Это как перелистывать книгу. Простые Игроки читают её последовательно от первой страницы до последней, а Творцы могут заглянуть на любую страницу по своему выбору.

– Ну да, мы же крутые и не грешим,– Антон весело рассмеялся.

– Все грешат,– осадил его отец,– и уже созданную карму всё равно придётся отработать, будь ты хоть трижды Творец. Просто в процессе практики мы привыкаем контролировать свои мысли и эмоции и, следовательно, прекращаем создавать новые кармические отпечатки.

– Так всё дело только в том, что у нас больше вариантов для восприятия картины мироздания,– удивился Антон,– и только?

– Нет, не только,– Венн снисходительно улыбнулся,– главное, мы умеем перемещать своё сознание осознанно, а не плыть по течению, как простые Игроки.

– Получается, что тогда, в случае с волками я переместил своё сознание в условное прошлое и создал альтернативную Реальность,– сделал поспешный вывод Творец-спасатель.

– Все кармически разрешённые альтернативные Реальности и так существуют без твоей помощи,– Венн саркастически хмыкнул. – Ты просто переместился в одну из таких Реальностей.

– Точно! – Антон в сердцах хлопнул себя по коленке. – Ищейка же показала, что существовали два разрешённых ва-

рианта той сцены. Ищейка – это программа поиска, которую я написал, – пояснил он.

– Возможно, в этой альтернативной Реальности у вас с Анарой нет кармической связи, – задумчиво произнёс Венн.

– Я это тоже чувствую, – подтвердил Антон, – только я подумал, что мы этот кармический узел сами развязали, когда оба выжили там, на плато Путорана.

– Если ты прав, то это будет первый случай в истории веннов, – отец иронично улыбнулся, – я бы на такое всерьёз не рассчитывал.

– Я ж не венн, – в тон ему отозвался сын.

Дверь тихонько скрипнула, и в комнату вошла высокая черноволосая женщина, одетая в традиционный юкагирский наряд. Она внесла поднос с едой и напитками и молча поставила его на стол перед мужчинами. Увидев вошедшую женщину, Антон вскочил с места.

– Кора?! – изумлённо воскликнул он. – Это правда ты?

Кора была женщиной Венна, но ни для Сабина, ни для его младшего брата Гора она не была матерью и даже не пыталась изображать материнские чувства. У них вообще не было матери. Венн был для братьев не просто отцом, а ещё и Создателем, а Кора – просто одной из жительниц посёлка, обладавшей особыми способностями. Как все женщины веннов, она была неисчерпаемым источником творческой энергии. Именно за счёт этой энергии Венн воплощал свои творения в Реальность.

Через пять лет после того, как братья покинули посёлок, Кора вдруг объявилась рядом с ними и предложила создать специальный ритуал, который позволял насыщать пространство базовой Реальности тонкими энергиями. Братьям эта идея понравилась, и они втроём стали первыми членами Высшего Совета и создателями огненного ритуала. Позднее к их весёлой компании присоединились ещё шесть Творцов, и ритуал обрёл полную силу. Тот факт, что веннская женщина вдруг покинула своего мужчину, был, разумеется, не просто странным, а прямо-таки вопиющим нарушением традиций. Однако братья не решились её расспрашивать, а сама Кора ничего не объяснила. Каждый человек имеет право на свои тайны, не так ли.

Позже, когда Сабин хитростью заманил в ловушку Высших Творцов, Кора исчезла так же внезапно, как и появилась. Все решили, что она просто умерла естественным путём от старости, ведь она не обладала способностями Творца и не могла поддерживать своё тело молодым и здоровым. Ан нет, вот она, Кора, жива и выглядит точно так, как шестьсот лет назад. Сам собой напрашивался вывод, что вовсе она не сбегала от своего мужчины, просто Венн послал её следить за детьми. А когда необходимость в слежке отпала, женщина вернулась к своему хозяину. Антон, разумеется, был рад, что Кора не затерялась в череде перевоплощений, но всё-таки эта шпионская история его неприятно задела, и в его душе зашевелился червячок сомнения. А так ли уж случайно

он решил отправиться на поиски своего отца именно сейчас, не был ли его вроде бы спонтанный порыв кем-то тщательно отрежиссирован?

– Почему мне вдруг приспичило тебя искать, отец? – в лоб спросил сын.

Венн снова расхохотался, да так задорно, что чуть не подавился чаем.

– А я всё ждал, когда же ты решишься спросить, – отсмеявшись пояснил он. – Я тебя ПОЗВАЛ, мой мальчик. Что, такая техника тебе неизвестна? – ехидно поинтересовался хитрый махинатор.

– Это что-то вроде зова вампиров, – предположил Антон.

– Ну ты скажешь, – Венн покачал головой, – ни один вампир не заставил бы тебя целый год обшаривать все тёмные закоулки нашей Реальности.

– А почему было просто открытку ни прислать? – Антон посмотрел на отца с откровенным недоумением.

– Тогда это было бы приглашение, – с готовностью пояснил махинатор, – а я тебя вовсе не приглашал, ты сам явился и залез на мою территорию без спроса.

Антон невольно поёжился, хотя сказано это было спокойно и даже доброжелательно. Однако он слишком хорошо знал своего отца и понимал, что тот не станет ничего делать просто так, без умысла.

– Хочешь сказать, что теперь имеешь полное право свернуть мне шею за незаконное проникновение, – уточнил он.

– Да, право у меня есть,– Венн ни чуточки не смутился,– но это не значит, что я им воспользуюсь, всё будет зависеть исключительно от тебя, сынок.

Антон ещё раз поблагодарил Создателя за то, что не полез в эту ловушку со всей весёлой компанией. Причинить вред ему самому было весьма затруднительно, пожалуй, даже отцу это было не под силу. Во всяком случае, хотелось надеяться, что демонстрация его возможностей была достаточно убедительной, чтобы отрезвить зарвавшегося родителя.

– Если я был тебе так нужен, что ж ты меня так неласково встретил? – саркастическая улыбка промелькнула на лице Антона, но тут же исчезла, когда он услышал объяснение отца.

– Разве тебя это остановило? – вопрос был явно риторическим. – Я же не мог лично отслеживать всех, кому приписит прогуляться к вулкану через мой посёлок, поэтому инструкции для воинов были простыми до идиотизма: убивать всех подряд. Тот, кто мне нужен, всё равно выживет и доберётся до портала. Так и получилось.

– И сколько же народу ты положил, дожидаясь меня? – ужаснулся Антон.

– Не интересовался, если честно,– отец безразлично пожал плечами,– возможно, что и нисколько. Не каждый же решится переть на рожон сквозь подавляющий психику барьер.

Да, психический заслон вокруг посёлка был выполнен ма-

стерски, пройти его насквозь не смог бы даже Творец, а вот перепрыгнуть – это запросто. Только для этого нужно было как минимум уметь трансгрессировать. Простенький такой тест на вшивость.

– И кто же сейчас управляет посёлком, если ты постоянно отсиживаешься в своём мире? – Антон решил перевести разговор со скользкой темы. – Почему, кстати, ты больше не делаешь это лично?

– Увы, мой мальчик, прошли те времена, – Венн печально покачал головой, – от племени юкагиров ничего не осталось, так, жалкие полукровки. Теперь я для местных не правитель, а бог. Тоже неплохая работёнка, должен тебе сказать. А управляют в посёлке твои братики.

– Значит, те двое отморожков – это тоже твои творения, – Антон чуть со стула не упал от удивления. – Как-то не тянут они на детей Создателя.

– А у них назначение иное, чем было у вас с Сабином, – пояснил отец, – они должны просто быть, ну и заодно дрессировать местных дикарей.

– Да-а-а, – протянул сын, – ничего не меняется к лучшему. – Что, ностальгия по прошлому замучила? – Венн ехидно хохотнул. – Хотел бы всё вернуть, да поздно.

– Если честно, ни капельки, – усмехнулся Антон, – меня же тогда постоянно за что-то наказывали. Единственное светлое пятно – это наши прошлые отношения с братом. Я бы дорого дал, чтобы всё между нами было как прежде.

– А ты помнишь, как он тебя называл? – Венн задумчиво улыбнулся.

– Не только он, – подтвердил Антон, – чуть ли не все в посёлке звали меня Ангелом. Кличка прилипла как банный лист. Не слишком лестное прозвище в мире, где больше всего ценится брутальность и мужественность, не находишь?

– Тебе тогда как раз исполнилось тринадцать, – Венн мечтательно закатил глаза, – и ты был худым, как селёдка, да ещё и белобрысым. Прозвище тебе подходило необыкновенно, вот только называли тебя Ангелом не за внешность. Помнишь, кто дал тебе эту кличку?

– Разве такое можно забыть? – Антон вздохнул и отвернулся. – Годвин, так звали того парня. Он ведь был очень молод, чуть за двадцать, да?

– Ему только-только исполнилось двадцать два, когда вы с Сабином его убили, – Венн произнёс это ровно, не обвиняя, просто как исторический факт.

Антон удивлённо посмотрел на отца. Неужели история смерти Годвина так и осталась секретом для этого могущественного колдуна? В прежние годы ему казалось, что от всевидящего взора Венна ничто не в состоянии было укрыться. Однако факт на лицо, никто не идеален, даже Создатель. Антон не любил вспоминать ту историю, она была совсем невесёлой, да и закончилась трагически. Хотя, если подумать, то все первые годы его жизни состояли из таких вот историй. Просто эта была первой.

В начале пути...

Плиты пола были гладкими, ноги многочисленных паломников натёрли их до блеска. Гор и Сабин шли вдоль узкого прохода рукотворной пещеры, не зажигая света, чтобы невзначай не привлечь внимания хранителей, если тем случайно приспичит наведаться в храм в этот неурочный час. По стенам тоннеля кое-где стекали прозрачные струи воды, и брызги, попадая на гладкий пол, делали его скользким, как лёд, приходилось ступать очень осторожно, чтобы не упасть.

Гору в тот день исполнилось тринадцать, а Сабин был всего на пять лет его старше. Впрочем, в этом возрасте пять лет казались целой вечностью, для Гора старший брат был практически взрослым мужчиной, хотя в душе Сабин всё ещё оставался беспечным подростком. Тайный поход в храм Девы был его подарком младшенькому на день рожденья. Он прекрасно знал, что отец не одобрит его действия, да что там, не одобрит, Венн будет в ярости, ведь Сабин сейчас нарушал его прямой запрет. Причина этого запрета была для старшего брата совершенно непонятна, но в посёлке было не принято обсуждать приказы Создателя, а уж нарушать, тем более. Какая муха укусила Сабина, чтобы он настолько потерял страх перед отцом? Может быть, он просто наивно верил в свою безнаказанность? Так или иначе, парень решил привести именинника в подземный храм, чтобы тот смог

своими глазами увидеть это чудо – золотую статую Девы.

– Саб, а почему местные называют её золотой бабой, – спросил младшенький, когда они остановились передохнуть, – а мы зовём её Девой?

– Думаю, местные просто никогда её не видели, – усмехнулся Сабин, – потерпи немного, и ты сам в этом убедишься.

К тому времени братья уже далеко ушли от входа в пещеру, и больше можно было не таиться. Сабин достал маленькую лампу и потёр ладонью матово-белый шар внутри. Тот засветился тёплым, чуть желтоватым светом. Струи воды, бегущие по стенам тоннеля, заиграли золотыми бликами. Сразу стало уютно, мрачный коридор превратился в сказочный путь, открывающий проход к чудесам.

– А почему здесь так тепло? – снова спросил Гор. – Ведь сейчас зима.

– Эти пещеры построили наши предки, чтобы укрыться от ураганов и лютой стужи, когда на землю обрушился небесный свод, – Сабин ободряюще похлопал младшего брата по плечу. – Никто теперь не знает таких технологий, но здесь всё время одинаково тепло и влажно, хоть зимой, хоть летом.

– Почему же мы сейчас не живём в этих пещерах? – Гор удивлённо поднял глаза на брата.

– Целых осталось очень мало, – пояснил Сабин, – сейчас здесь только храмы. Ну, пойдём, нам нужно вернуться до ужина.

Через полчаса плутания по лабиринту скальных тонне-

лей братья заметили впереди едва различимый свет, который очень напоминал дневной. Сабин выключил лампу и в одиночку отправился проверить обстановку в храме. Вскоре Гор услышал, как брат негромко позвал его присоединиться и пошёл вперёд. Свет становился всё ярче, невидимые лучи вырывались из-за поворота коридора и освещали ровную каменную плиту, расположенную как раз напротив источника света. Гор дошёл до плиты и обнаружил, что на этом тоннель закончился, дальше располагался только огромный подземный зал. Вход в обитель прекрасного преграждал поток воды, падающий с потолка в узкую щель, отделявшую тоннель от храма. Сквозь водопад смутно проступали очертания стен и колонн грандиозного подземного сооружения.

Водяные струи бесшумно пролетали мимо лица ошарашенного паломника и обрушивались в глубокую расщелину, которая разверзлась прямо у его ног, преграждая проход. Прикинув ширину расщелины, мальчик пришёл к однозначному заключению, что эту пропасть ему ни за что не перепрыгнуть. Он озадаченно уставился на преграду, не понимая, что же ему делать дальше.

– Иди сквозь поток, – раздался откуда-то уверенный голос Сабина.

– Пропасть слишком широкая, – жалобно отозвался Гор.

– Не бойся, там нет никакой пропасти, – брат весело рассмеялся, – это всё иллюзия.

Гор пригляделся к водопаду, и ему стало не по себе, для

иллюзии водный поток выглядел как-то чересчур натурально. Мальчик наклонился над краем расщелины, и у него перехватило дыхание. Вода сверкающими змейками устремлялась на дно бездонного колодца и рассыпалась облаком брызг где-то далеко внизу. Он ясно представил себе, как точно также полетят во все стороны капли его крови, когда он грохнется на каменное дно ущелья.

– Ты мне не веришь, – прозвучал голос брата с откровенной ноткой обиды.

Гор судорожно вздохнул и с усилием отвёл взгляд от устрашающей расщелины. Брату он верил всегда и во всём, наверное, даже больше, чем самому себе. Глядя прямо перед собой, мальчик сделал шаг в пропасть и едва не грохнулся на пол, когда его нога, вместо того, чтобы провалиться в пустоту, встретила гладкую каменную поверхность. Руки Сабина подхватили его за плечи и удержали от неминуемого падения.

Глазам Гора открылся величественный подземный храм. Трудно было поверить, что внутри, в общем-то, небольшой горы могло поместиться столь грандиозное сооружение. Внутренняя отделка храма была строгой и даже, пожалуй, простоватой, но от этой простоты буквально захватывало дух. Пол был выложен чёрными матовыми плитами, вдоль стен стояли высокие круглые колонны, сами стены представляли собой единую монолитную плиту, наподобие той, что располагалась напротив входа, а потолок светился матовым

белым светом, словно был просто небом.

Сабин подтолкнул брата вперёд, и они медленно пошли к дальнему концу зала. Там в потоке белого, как будто солнечного света стояла золотая статуя молодой женщины. Высотой она достигала трёх с половиной метров, но пропорциями не отличалась от человеческих. В полутьме храма создавалось впечатление, что светится сама статуя.

– Ну что, – ехидно спросил Сабин, когда братья подошли ближе, – похожа она на бабу?

Гор не ответил, у него перехватило дыхание от дивного зрелища светоносной богини. Она была как живая, казалось, что женщина просто задумалась на мгновение, да так и застыла в золотом сиянии. В ней не было ничего мистического, но она была прекрасна той естественной женской красотой, что гарантированно сводит с ума противоположный пол, даже если этому полу всего тринадцать. Сабин не стал терзать своего младшего братишку, он и сам когда-то вот так же стоял с открытым ртом, впервые оказавшись в храме Золотой Девы. Кстати, ему тогда исполнилось шестнадцать, и он уже был в состоянии оценить безупречные формы золотого тела с точки зрения мужчины. Судя по ошарашенному виду младшенького, его нежный возраст вовсе не стал помехой для восприятия прекрасного, напрасно отец ввёл возрастной ценз на посещение храма.

Вспомнив об отце, Сабин невольно поморщился. Если об этой несанкционированной экскурсии узнают, то мало ему

не покажется. Отец, как предводитель рода, не может позволить, чтобы его запреты игнорировались, тем более его сыном и наследником, и покарает ослушника без всякой жалости. Но восторг, сиявший на лице братишки, стоил такого риска. Самому Гору репрессии не грозили, ведь он ничего не знал о запрете, когда отправился в храм со старшим братом.

Однако пора было закругляться. До выхода из пещеры ходу было не меньше часа, а стемнеет уже минут через сорок, идеально для скрытного возвращения в посёлок. Весь обратный путь Гор проделал словно во сне, не ощущая под ногами пола, казалось, что он порхал по воздуху. Сабин то и дело оглядывался на брата проверяя, чтобы тот не потерял связь с реальностью окончательно, состояние младшенького уже начало его волновать не на шутку. Мальчик совершенно не смотрел себе под ноги, его глаза светились в неясном свете лампы, словно излучали какой-то внутренний свет. Однако при этом он двигался вполне уверенно и даже быстро, несмотря на скользкий пол и практически полную темноту. Чем дальше они шли, тем тревожнее становилось на сердце у старшего брата. Ему уже было не до гнева отца и возможного наказания, предчувствие беды вытеснило из его головы все прочие соображения.

– Может быть, отец был прав насчёт возрастного ценза, – с запоздалым раскаянием подумал Сабин. – А вдруг удар по детской психике оказался слишком мощным?

Когда до выхода из пещеры оставалось не больше сотни

метров, парень уже сам готов был броситься к отцу, чтобы каяться в преступлении и просить помощи. И всё-таки у него хватило рассудительности, чтобы остановиться и погасить лампу. Некоторое время он стоял молча и прислушивался к звукам, доносившимся снаружи. В звуках не было ничего подозрительного, редкие птичьи голоса, да завывание ветра. Сабин взял в ладони лицо брата и поцеловал его в лоб. Никаких нарушений здоровья он не ощутил, кожа была прохладной, пульс ровный. Старший брат с облегчением перевёл дух.

– Гор, ты как себя чувствуешь, – спросил он на всякий случай, – с тобой всё в порядке?

Брат не ответил, его дыхание было спокойным и едва слышным, пожалуй, даже слишком спокойным для быстрой ходьбы, так обычно дышат во сне. Сабин слегка встряхнул младшенького, но на мальчика это не произвело никакого впечатления, даже дыхание не сбилось. Тут очень кстати нарушитель отцовских запретов вспомнил древние легенды о том, что Дева иногда забирала себе души приходивших к ней людей, и на него накатила паника. Теперь Сабину уже стало совершенно плевать, что сделает с ним отец. Что бы ни сделал, наказание будет недостаточным. Он подхватил безвольное тело брата на руки и, уже не пытаясь таиться, рванул к выходу.

Четверо охранников стояли полукругом у дверей и терпеливо ждали непутёвых паломников. Сабин вылетел из тем-

ноты, как смерч, и чуть не врезался в их молчаливый строй. Парни действовали быстро и профессионально, один подхватил тело Гора, а двое других завернули руки Сабина за спину и стянули их ремнём. Это немного охладило нарушителя, и паника отступила.

– Не теряйте времени,– прикрикнул он на охранников,– я никуда бежать не собираюсь. Гора нужно отнести к отцу. Скорей!

Охранники переглянулись, и тот, что держал на руках мальчика, припустил с горки к горящим вдали огням посёлка. Когда связанного Сабина привели в дом отца, там уже скопилось полно народу, люди бросали на наследника осуждающие взгляды и качали головами. Сабин хотел пройти в покои отца, но охранники его не пустили. Примерно с полчаса все стояли молча в тревожном ожидании. Наконец из-за двери раздался громкий крик. Сабин сразу определил, что это кричал Гор. Вскоре крик перешёл в стон и затих. Парень рванулся из рук охранников изо всех сил, но в этот момент дверь открылась, и на пороге появился отец. На его лбу блестели бисеринки пота, и взгляд, устремлённый на сына, не сулил тому ничего хорошего.

– Он жив? – одними губами пролепетал Сабин.

Отец проигнорировал его вопрос, он кивнул охранникам, и те, освободив руки ослушника, буквально втолкнули его в дверь комнаты. Гор сидел на полу и удивлённо оглядывался, взгляд его был вполне осмысленным. Сабин бросился на

колени и прижал к себе брата, из его глаз брызнули слёзы. Мальчик, ничего не понимая, крутил головой и пытался заглянуть брату в лицо.

– Ну хватит,– резкий окрик Венна вывел Сабина из его восторженного транса. – Встаньте оба.

Братья поднялись на ноги. Гор улыбнулся и без страха посмотрел в глаза отцу, а вот Сабин стоял, низко опустив голову, его всё ещё трясло от пережитого ужаса.

– Смотри мне в глаза,– приказал отец старшему сыну,– я жду твоих объяснений, Сабин.

– Я хотел сделать Гору подарок на день рождения,– промямлил нарушитель.

Облегчение от того, что сознание брата вернулось в эту Реальность, было настолько сильным, что даже заглушило страх перед неизбежным наказанием. Сейчас Сабин готов был броситься на шею своему отцу, благодарность за спасение Гора переполняла всё его существо. Но подобные проявления чувств были немыслимы по отношению к Создателю, поэтому он просто стоял и глупо улыбался.

– Из-за тебя этот день рождения мог стать для твоего брата последним,– в голосе отца совсем не было никаких эмоций. – Ты будешь наказан, как наказывают за попытку убийства.

Улыбка стекла с лица Сабина, такого оборота он не ожидал. Вообще-то, за покушение на жизнь члена рода полагалась смерть. Неужели отец прикажет казнить своего наследника?

– Он не хотел ничего плохого,– вступился за брата Гор,– это не его вина, что Дева захотела забрать меня к себе.

– А ты, малыш, будешь смотреть, как наказывают твоего брата,– отец обернулся к младшему сыну. – Надеюсь, этот урок и тебе пойдёт на пользу.

Венн хлопнул в ладоши, и в комнату вошли давешние охранники. Они окружили арестованных и молча вывели их из дома.

– Что они с тобой сделают? – с тревогой спросил Гор, как только братья оказались на улице. – Ты ведь не пытался меня убить на самом деле. Давай, я объясню отцу, что это произошло случайно.

– Я нарушил его запрет и поставил твою жизнь под угрозу,– тоскливо ответил Сабин.

– Они же не убьют тебя за это? – в голосе братишки прорезалась паника.

Сабин остановился и обнял худенькое дрожащее тельце.

– Мы должны быть сильными,– с напором сказал он,– никакие наши мольбы ничего уже не изменят. Но ты не бойся, думаю, смерти я всё же не заслужил.

Сабин старался говорить уверенно, хотя сам этой уверенности вовсе не испытывал. Год назад ему пришлось присутствовать на казни одной женщины, которая во время ссоры в сердцах бросила в мужа медное блюдо и раскроила ему череп. Муж, кстати, остался жив, правда, потерял зрение, а вот женщину казнили. И смерть бедняги не была лёгкой. Поход

к Золотой Деве вроде бы закончился для брата без последствий, но сути это не меняло. Закон для всех один.

Рука Гора скользнула в широкую ладонь брата, и они пошли дальше. Охранники их не торопили, идти было недалеко. Дом, где приводились в исполнение приговоры Создателя, стоял на краю посёлка за высокой изгородью. Это было круглое здание с остроконечной крышей, внутри не было никаких перегородок, впрочем, мебели там тоже не было, если не считать одинокого столба с железными скобами наверху. Именно у этого столба и вершилось правосудие. В центре зала располагался очаг поистине великанских размеров. Сейчас в нём во всю мощь полыхал огонь, толстые кедровые стволы, установленные шатром, наливались алым соком, то и дело выстреливая к потолку облачка шустрых искр. Внутри было тепло, даже жарко, хотя за дверью трещал мороз.

Охранники подвели братьев к столбу и отступили к двери. Гор прижался к брату и обхватил его руками, ему было страшно. Сабину и самому было страшно, но необходимость поддерживать младшенького придавала ему сил и уверенности.

– Ты только ничего не делай, что бы ни произошло, – тихо прошептал он на ухо Гору. – Обещаешь? – Гор кивнул и хлопнул носом. – И не плачь, – добавил Сабин уже громче, – лучше просто закрой глаза и не смотри.

Дверь отворилась, и отец, сопровождаемый охранниками, приблизился к братьям. Один из охранников взял Гора за

плечи и оттащил его шагов на десять от столба.

– Раздевайся,– приказал Венн старшему сыну,– и рубашку тоже сними,– добавил он, видя, что парень замешкался.

Голого по пояс Сабина приковали к столбу, и отец подошёл к нему вплотную. Отработанными движениями он вытащил из висящих на шее ножен тонкий, как игла, стилет с круглым набалдашником на конце ручки. И стилет, и ручка были сделаны из одного белого металла, который был гораздо светлее, чем даже серебро. Взгляд Сабина упёрся в это диковинное оружие, словно приклеенный. Серебристая игла описала круг в воздухе и упёрлась в его грудь на уровне солнечного сплетения.

Парень уже понял, что последует дальше, такое ему тоже приходилось раньше видеть. Это называлось испытанием белой иглой, практически все взрослые мужчины рода рано или поздно проходили через этот ритуал, но далеко не всем удавалось его пережить. К сожалению, о том, чем это испытание закончится лично для Сабина, можно было только гадать, всё зависело от длительности экзекуции и количества жизненной энергии, которую отец вытянет из его тела, прежде чем оставит его тут одного. Видимо, лицо испытуемого сильно побледнело, так как Венн счёл необходимым сделать сыну внушение.

– Надеюсь, ты будешь вести себя достойно, как и подобает сыну Создателя,– с нажимом произнёс он, в упор глядя на своего наследника. – Готов?

Сабин с усилием втянул воздух и кивнул. Серебристое жало вошло в его грудь, словно в масло. Было, конечно, больно, но парень ожидал худшего и умудрился даже не застонать. Он сжал зубы и на секунду зажмурился, а когда снова открыл глаза, то сразу увидел, что рукоятка стилета светится бледным голубым светом, видимо, это жизненная сила перетекала по клинку из его тела в руку отца. Бледное свечение понемногу разгоралось и становилось всё ярче. Наблюдать, как жизнь медленно покидает твоё тело было жутко, и Сабин отвёл взгляд. Время тянулось бесконечно, и парню уже начало казаться, что жизни в его теле не осталось совсем.

– Ты убьёшь меня? – прошептал он едва слышно, чтобы его слова не долетели до охранников. – Просто скажи, отец, мне лучше знать заранее.

– Заткнись, – буркнул Венн, – ты мне мешаешь.

Откровенная грубость отца не порадовала, она однозначно свидетельствовала о том, что это была казнь, а вовсе не испытание. Паника мутной волной затопила сознание Сабина, но быстро схлынула, уступив место недоумению. Ладно, он совершил преступление, за которое положена смерть, но можно было хотя бы попроситься по-человечески. Смотреть, как отец хладнокровно его убивает с таким видом, словно выполняет скучную рутинную работу, было невыносимо. Горькая обида на бездушного родителя вытеснила естественный страх смерти, и Сабин даже не сразу заметил, как стало ватным его тело, как накатили усталость и апатия.

Только когда его голова вдруг сделалась тяжёлой, и попытки держать её прямо превратились в весьма утомительное занятие, до него дошло, что он умирает. Но теперь этот факт уже не вызвал шквала эмоций, ему стало всё равно.

Венн снял руку с рукоятки стилета и поднял голову сына за подбородок. Несколько секунд он вглядывался в его бледное лицо, а потом выдернул клинок из груди. Сабин от неожиданности охнул, но тут же закусил губу, чтобы не застонать. Тоненькая струйка крови потекла по его животу, голова опять упала на грудь. Всё, чего ему сейчас хотелось, это закрыть глаза и заснуть.

– Очнись, – Венн легонько шлёпнул сына по щеке, – сейчас я залечу рану, и ты останешься один на один со своей совестью. Ты меня слышишь? – прикрикнул он, видя, что парень никак не реагирует на его слова.

Сабин попытался сосредоточиться и понять, чего хочет от него отец, но это оказалось за гранью его возможностей. Он просто равнодушно кивнул и отвернулся. Отец положил левую руку ему на глаза, и сознание Сабина погрузилось в долгожданную темноту, поэтому он не видел, как правая рука Создателя на миг зависла у его солнечного сплетения, и от раны не осталось и следа, даже кровавая дорожка исчезла. Когда Сабин очнулся, в помещении не было никого, кроме отца. Создатель недовольно рассматривал безвольно висящее тело и кривил губы, видимо, не обнаружил в своём наследнике полагающейся тому по статусу твёрдости духа.

Полумёртвому от потери сил парню, если честно, на все эти нюансы было уже глубоко наплевать. Даже если бы отец его сейчас добил, он бы ему только спасибо сказал, оставаться в сознании не хотелось ни капельки.

– Не время расслабляться, сынок,– отец ласково потрепал его по щеке,– ничего ещё не закончилось. Ты останешься здесь до утра, и только от твоей воли зависит, выживешь ты или нет. Если позволишь себе потерять сознание, то твои запястья сломаются от веса тела, и боль выпьет из тебя последние силы. Тогда утром мы обнаружим тут только твой труп.

Сабин вроде бы слышал слова отца, но их смысл доходил до него с трудом, бороться за жизнь ему не хотелось. Если у Создателя не было намерения его убивать, зачем же было лишать его последних сил? Где логика? Но и перечить отцу тоже не было желания, пусть успокоится и оставит его одного, нет ничего ужасного в том, чтобы умереть во сне. Вот только малыша жалко, совсем они его затюкают без братской опеки. Сабин разлепил веки и попытался выпрямиться, оперевшись на ноги. Вроде бы даже ему это удалось, по крайней мере, отец одобрительно кивнул и развернулся, чтобы уйти. По дороге он подбросил пару поленьев в и так жарко горевший огонь. Сабин проводил его взглядом и снова закрыл глаза. Всё, теперь никто не помешает ему немного поспать.

Ему снилась золотая Дева, она уменьшилась до нормального человеческого размера и сошла с пьедестала к своему

паладину. Объятыя богини оказались жаркими, как горячая ванна. А потом Сабин обнаружил, что его голова покоится на коленях Девы, и ему удивительно мягко лежать на золотых складках её одеяния. Стоп, как же может быть мягко лежать на золоте? Абсурд происходящего начал понемногу доходить до сознания парня, он открыл глаза и сразу вспомнил, где должен находиться.

Это действительно был зал наказаний, рядом полыхал в очаге огонь, и в двух шагах справа торчал пыточный столб, на котором почему-то не было тела осуждённого. А тело лежало на полу, закутанное в меховое одеяло. Сверху на Сабина смотрели две пары испуганных глаз, Гор и Анара сидели рядом и внимательно вглядывались в его лицо. Правая рука Анары лежала на его груди, и от неё по всему телу распространялось приятное тепло, девчонка, как умела, накачивала в Сабина жизненную силу.

– Вы что это тут устроили,– парень с трудом разлепил губы,– зачем вы меня освободили?

Подростки переглянулись, их лица расплылись в улыбке.

– Вот видишь, он пришёл в себя,– радостно воскликнул Гор, обращаясь к своей подружке,– я же говорил, что он выкарабкается. Ты иди домой, Лиса, а то ещё хватятся, начнут тебя искать.

– А ты как же? – девочка с тревогой поглядела на своего юного сообщника.

– Я тоже скоро приду, не волнуйся,– младшенький нежно

и немного покровительственно погладил Анару по щеке и улыбнулся.

Когда та неслышно выскользнула за дверь, Гор перевёл взгляд на брата, и на его физиономии появилось тревожное выражение.

– Саб, тебе хоть немного полегчало? – спросил он, заботливо укутывая брата в тёплый мех.

– Зачем?! – выдохнул тот.

– Я слышал, что сказал отец, – Гор облегчённо вздохнул, услышав вполне бодрый голос из-под одеяла, – тебе нельзя было отключаться, Саб, это верная смерть. Не мог же я дать тебе умереть?

– Ты понимаешь, что теперь будет? – тоскливо промямлил Сабин. – Отец не простит тебе неповиновения.

– А я найду кого-нибудь взрослого, и мы вдвоём подвесим тебя обратно, – рассудительно заявил малец.

– Никто не осмелится тебе помогать, – Сабин невесело усмехнулся. – Помоги, давай я попробую сам встать.

Гор с сомнением посмотрел на безвольное тело брата, но всё-таки обхватил его за плечи и попытался приподнять. Сабин опёрся на руку, но даже не смог оторвать своё тело от земли. Он рухнул обратно на меховое одеяло, и Гор тут же старательно его укутал.

– Ты поспи, а я пока что-нибудь придумаю, – предложил младшенький.

Предложение было более, чем заманчивое, глаза у Сабина

закрывались сами собой, вот только спать сейчас было никак нельзя. Если сюда заявится отец, то участь малыша будет самой незавидной, с Создателя станется заменить одного осуждённого на другого. Хотя поверить в такое было трудно, всё-таки Гор ещё совсем маленький и несмышлёный.

– Уходи, Гор,– попросил Сабин,– сделай вид, что ты тут ни при чём.

– Хорошо,– легко согласился братик,– я сейчас слиняю,– как-то очень легко согласился, это было совсем не похоже на младшенького. Впрочем, гнева отца боялись даже матёрые воины, не то что какой-то малолетний нарушитель.

Дверь за братом закрылась, и Сабина сразу же потянуло в сон. Он не стал сопротивляться, чему быть, того не миновать, исправить-то всё равно ничего было нельзя. Гор вернулся к брату буквально через пару минут, когда тот уже безмятежно спал, младшенький и не подумал прятаться от гнева отца. Во-первых, это было совершенно бессмысленно, Создатель вычислит его в два счёта, скорее всего, даже в один. А во-вторых, Гор совсем не считал себя преступником, в конце концов, он спас жизнь брату. Какое же это преступление? Мальчик потихоньку улёгся рядом с Сабиним и сразу же заснул.

Венн обнаружил сладко посапывающую парочку через час, когда зашёл проверить состояние сына, он совершенно не собирался лишаться преемника из-за нелепых случайностей. Наказать его как следует было необходимо, но не уби-

вать же. Однако увидеть провинившегося сына, спящим в обнимку с братом, Венн никак не ожидал. В первый момент он просто не поверил своим глазам, в посёлке просто-напросто не могло оказаться человека, рискнувшего бы так нагло нарушить его волю. Следующие за Создателем охранники застыли в дверях с вытаращенными глазами. Если бы Венн был один, то эту глупейшую ситуацию можно было бы разругнуть по-тихому, но наличие свидетелей меняло всё, теперь неизбежно придётся наказывать провинившихся.

При приближении отца Гор мгновенно проснулся, а вот Сабин даже не пошевелился. Мальчик аккуратно выполз из-под мехового одеяла, чтобы не разбудить брата, и встал напротив Венна, безмятежно улыбаясь. Похоже, он даже не понял, что натворил.

– Это ты освободил Сабина? – хмуро спросил Венн.

Гор кивнул, по-прежнему улыбаясь от уха до уха.

– Он потерял сознание, – рассудительно пояснил сын, – я никак не мог его разбудить. Я не хочу, чтобы мой брат умер.

Мальчишка говорил уверенно и, похоже, совершенно не боялся. Венн удивлённо посмотрел на младшенького. Неужели он не понимает, что Создатель не имеет права оставить его выходку без наказания? Или всё-таки понимает?

– Догадываешься, что теперь будет? – грозно спросил отец.

Гор на секунду задумался, потом бросил быстрый взгляд на спящего брата и снова повернул к отцу улыбающееся ли-

цо.

– Сабин не виноват, – уверенно заявил младшенький, – он вообще очнулся уже на полу. Если необходимо кого-то наказать, то лучше меня.

– Значит, понимает, – уныло заключил Венн, ситуация складывалась абсурдная и совершенно безвыходная. – В сущности, всё, что мальчишка натворил – это спас от смерти своего брата, но при этом он нарушил волю Создателя, да ещё при свидетелях. Этого, увы, не спустить на тормозах. Уж лучше бы Гор дрожал от страха и просил пощады, тогда можно было бы сыграть в благородство и милосердие, выпороть недоумка и отправить спать. Но малыш даже не пытается притвориться, что раскаивается. Почему же ему совсем не страшно?

– И какое же наказание будет справедливым, как по-твоему? – лицо Создателя окаменело.

– Не знаю, – младшенький смешно пожал плечами, – может быть, ты должен сделать со мной то же, что с братом? Я ведь тоже нарушил твою волю, Создатель, – это вовсе не была игра, Гор вполне искренне пытался быть объективным, словно речь шла не о его жизни, а о весёлой игре.

– И откуда ты взялся, такой мудрый, на мою голову, – Венн начал медленно закипать от бешенства и бессилия. За его спиной двое охранников затаили дыхание в ожидании решения Создателя. – Что ж, малыш, ты сам решил свою судьбу, видимо, одного урока тебе оказалось недостаточно.

– Так тому и быть,– Венн сделал знак охранникам и снова повернулся к Гору,– сними куртку и рубашку, и марш к столбу.

Мальчик снова улыбнулся и ласково посмотрел на спящего брата. Потом он быстро стянул через голову свою одежду и несмело приблизился к стоящему у пыточного столба охраннику.

– Так вот чего ты боялся, глупыш,– догадался Венн,– что я снова отправлю твоего драгоценного Сабина на экзекуцию. Наверное, это было бы более справедливо, ведь предупредил же этого оболтуса, что необходимо всё время находиться в сознании, а он позволил себе провалиться в беспамятство. Младшенькому просто больше ничего другого не оставалось, если он не хотел потерять брата.

– Создатель, твой сын ещё слишком низкий, руки до железок не достают,– голос охранника ворвался в невесёлые мысли Венна и заставил его вздрогнуть.

Воин застыл у столба, с недоумением и жалостью глядя на мальчика, казалось, он всё ещё не мог поверить, что Создатель всё-таки приговорил своего младшего сына. Это был неплохой предлог заменить жестокую пытку на порку или ещё какой-нибудь безобидный способ наказания. Венн уже открыл было рот, чтобы отдать распоряжение, но в этот момент к столбу подошёл Годвин и подставил валявшийся рядом чурбачок. Видимо, именно этим чурбаком воспользовался сам Гор, чтобы освободить руки брата.

– Залезай, герой, – весело усмехнулся Годвин и посадил Гора, чтобы тот смог забраться на этот импровизированный эшафот. – Теперь достанут, – кивнул он охраннику.

Всё время, что охранник заковывал его тоненькие ручки в железные кандалы, мальчишка продолжал улыбаться. Эта улыбка уже начала доводить Венна до бешенства, он понимал, что спокойно уснуть сегодня ему не удастся, да и неясно, удастся ли теперь вообще спокойно спать хоть когда-нибудь. Ему было безумно жалко мальчишку, тот явно не заслужил такой участи, но отступить было поздно, без урона для репутации Создателя отменить экзекуцию не удастся. Тонкая белая игла стилета проткнула худенькое тельце насквозь, её длина явно не была рассчитана на детей. Только тогда улыбка сползла с лица Гора.

– Что, парень, не ожидал, что это будет так больно? – с наигранным сочувствием произнёс палач. Гор промолчал, он боялся, что голос изменит ему, если он попробует ответить отцу. Было действительно очень больно. – Не нужно геройствовать, – посоветовал Венн, – детям разрешается немного поорать. Дай себе волю, будет легче. Ты меня слышишь, сын? – Гор кивнул и зажмурился, чтобы не видеть горевшего голубым светом клинка, что торчал у него из груди.

На то, чтобы выкачать из этого шуплого тельца жизненную энергию, много времени не потребовалось. Вскоре лицо мальчика сделалось бледным до прозрачности, он уже с трудом держался на ногах, даже опираясь на столб, но голо-

вы не опускал, и взгляд его синих глаз был вполне осмысленным, вот только улыбаться перестал. Венн пощупал его пульс, убедился, что сердце бьётся ровно и осторожно вытащил стилет из его груди. Гор даже не пикнул, только закусил губу до крови. Создатель привычным жестом отключил его сознание, чтобы залечить рану, и поддержал его бесчувственное тело, дабы не травмировать детские запястья железными скобами.

– Ты ведь помнишь, как нужно себя вести, чтобы выжить? – спросил он, когда сын снова открыл глаза. – Ответь, Гор, я хочу убедиться, что ты адекватен.

– Я помню, – едва слышно, но твёрдо откликнулся мальчик, – не волнуйся за меня, отец.

– Хорошо, через четыре часа, когда рассветёт, я за тобой вернусь, – Венн устало вздохнул и отвернулся. Мальчишка выглядел вполне удовлетворительно, похоже, за его жизнь можно было не волноваться, за четыре часа с ним ничего не должно было случиться.

Венн велел охранникам отнести беспечно спящего Сабина домой и подбросить дров в огонь. Вскоре Гор остался один. Голова у него кружилась от слабости, но он уже понял на примере Сабина, что самое главное в этом испытании не закрывать глаза и держаться на ногах, пусть бы даже дрожащих, как травинки на ветру. Четыре часа – это немного, Гор был уверен, что выдержит.

– А ты знаешь, пацан, что стал самым юным преступни-

ком, который прошёл испытание белой иглой,— раздался за спиной чей-то ехидный голос.

Мальчик не решился повернуть голову, так как каждое движение давалось с трудом и отнимало силы, которых и так оставалось всего ничего. Но этого и не потребовалось, через секунду прямо перед его глазами материализовался тот парень, который предложил использовать чурбак, чтобы руки Гора дотянулись до кандалов.

— Хотя, это я поторопился с выводами,— незванный гость с любопытством оглядел мальчика с ног до головы и паскудно ухмыльнулся,— пожалуй, испытание ты всё-таки не пройдёшь,— с этими словами он выбил чурбак из-под ног Гора, и тот повис на руках, железные скобы сразу впились в его запястья, как волчьи клыки. — Знаешь, как это будет? — убийца изобразил на своём лице что-то вроде сочувствия. — Сначала лопнут сухожилия, а потом начнут трещать твои тонкие косточки в запястьях. И ты потеряешь сознание, а вместе с ним и жизнь, боль выпьет остатки твоих сил.

— За что? — прохрипел Гор.

— Ты занял чужое место, дружок,— хладнокровно пояснил убийца. — Понимаю, это не твоя вина, но так уж устроена эта паскудная жизнь. Тебе придётся умереть,— парень решительно развернулся на каблуках и направился к выходу, однако около очага он притормозил и задумчиво посмотрел в огонь. — Ладно, ускорю немного твой конец,— пробормотал он себе под нос.

Убийца выскользнул за дверь и через минуту вернулся с ведром, наполненным снегом. Он высыпал снег в очаг с того края, где находился Гор, и пламя резко опало, сразу стало ощутимо холодней.

– Прощай, Гор,– убийца помахал рукой и ушёл, плотно прикрыв за собой дверь.

Венну не спалось, он ворочался с боку на бок и клял себя за то, что пошёл на поводу у собственной репутации и наказал мальчишку практически ни за что, да ещё как наказал. Он уже давно понял, что младший сын вовсе не старался вести себя вызывающе, как ему вначале показалось, просто Гор был абсолютно уверен в своей правоте, и случись такое ещё раз, поступит точно так же. Можно сколько угодно его наказывать, да хоть всю энергию из него выкачай, он от своей правды всё равно не отступит, скорее, умрёт. И ведь рано или поздно нарвётся по-крупному, можно не сомневаться, никакого пиетета по отношению к своему отцу и Создателю малец не испытывает и слепо подчиняться приказам не станет. Такая позиция сына была не просто неудобна, она была, скорее, неприемлема, но всё же вызывала невольное уважение.

За окном было ещё темно, до назначенного времени ещё оставался целый час, но Венн не выдержал, кликнул охранников и отправился в дом наказаний, пора было освободить упрямого мальчишку. Когда он открыл дверь, с его губ невольно сорвалось грубое ругательство. Огонь в очаге ед-

ва тлеет, в помещении было холодно, вряд ли выше нуля, но главное, чурбак валялся на полу, и Гор висел на одних руках. Мальчик был без сознания и, похоже, уже давно, если вообще ещё жив. Подгонять охранников не пришлось, они сами сорвались с места, один занялся очагом, а второй помог Венну снять бесчувственного мальчика со столба и уложить его на меховое одеяло поближе к огню. От волнения Венн никак не мог нащупать пульс на шее Гора, он приложил ухо к его груди и услышал, как сердце мальчика судорожно дёрнулось пару раз и остановилось. Венн послал одного из охранников за Корой, а сам принялся накачивать только что умершего сына энергией.

– Клиническая смерть – это ещё не приговор, – уверял себя Создатель, – запустить остановившееся сердце в состоянии даже обыкновенные доктора, не то что Создатель. А вот сделать так, чтобы энергия не вытекала из полностью обескровленного тела, как из дырявого кувшина, это задача не для дилетантов, тут нужна опытная женщина из рода веннов.

К счастью, Кора прибежала быстро, и они уже вдвоём продолжили реанимационные мероприятия. Через пару часов Гор начал дышать самостоятельно, хотя всё ещё пребывал без сознания. Венн посмотрел на сломанные запястья мальчика и поморщился, представив, что пришлось пережить бедняге, прежде чем он окончательно отключился. То, что сын остался жив, можно было считать чудом. Если бы Венн пришёл за ним, как и обещал, на час позже, то застал

бы уже остывший труп.

Гор очнулся только на второй день, всё это время Сабин и Анара, сменяя друг друга, дежурили у его постели. Когда Венн пришёл навестить сына, Сабин как раз только что сме-нил Анару. Он сидел на постели брата с несчастным видом и держал его за руку, которая в полутьме комнаты казалась совсем прозрачной.

– Малыш очнётся,– отец пристроился рядом и ободряюще похлопал старшенького по спине,– просто нужно немного подождать.

Сабин передёрнул плечами, сбрасывая руку отца, на его лице появилось брезгливое выражение.

– Как ты мог сделать это с Гором? – в голосе парня было столько горечи, что можно было захлебнуться. – Он ведь со-всем ещё ребёнок.

Венн удивлённо посмотрел на своего непутёвого наслед-ника. Неужели Сабин так и не понял, что вся эта история случилась из-за него? Нет, похоже, не понял.

– Этот, как ты говоришь, ребёнок достойно выдержал ис-пытание,– жёстко бросил он,– в отличие от его старшего бра-та. – Сабин вскинул голову и зло глянул на отца, но отвечать не стал. – Удивлён? – Венн снисходительно улыбнулся. – Ты так и не понял, сын, что испытание белой иглой – это вовсе не пытка. Тебе же было не так уж больно, правда? Все взрос-лые мужчины рода проходят это испытание, причём добро-вольно, а не в качестве наказания. Я полагал, что ты был го-

тов, но я ошибся.

Сабин буквально задохнулся от возмущения, неожиданно превратившись из обвинителя в обвиняемого. Он повернулся к отцу, чтобы высказать всё, что думает по поводу таких испытаний, но наткнулся на сочувственный взгляд синих глаз и сник.

– Что я сделал не так? – неуверенно пробормотал он. – Я же молчал, даже не застонал ни разу.

– Разве дело в этом? – вздохнул отец. – Твоя задача заключалась в том, чтобы победить свою слабость и продержаться несколько часов в сознании, заставив свой обессиленный организм бороться, а ты сдался практически сразу. Если бы ни Гор, испытание закончилось бы твоей смертью, по закону я не имел права его прекратить раньше назначенного срока. Твой брат наплевал на закон, зато ты остался жив. Не забудь его поблагодарить, когда он очнётся.

Сабин бросил печальный взгляд на полупрозрачное лицо Гора. Оно было безмятежно, словно братик просто спал, и ему снилось что-то приятное.

– И всё-таки я не понимаю, – он снова посмотрел в глаза отцу, – зачем нужно было пропускать через эту пытку малыша.

– Испытание должно было быть доведено до конца, – спокойно объяснил Венн, – по-хорошему, нужно было снова подвесить тебя на столбе. Гор это понимал, а ещё он чувствовал, что тебе не справиться, Сабин, и очень ловко занял твоё

место. Хитрец не оставил мне возможности отступить, там ведь были охранники, да ещё этот твой наставник, Годвин.

– Согласен, я облажался,– пробурчал Сабин,– но ведь ты же мог не доводить малыша до полного истощения. Это-то было в твоих силах?

– Ты действительно думаешь, что я мог так с ним поступить? – удивился Создатель. – Гор отлично держался, поверь мне, и выдержал бы испытание с честью.

– Тогда почему он лежит тут в коме? – вспыхнул Сабин.

– Потому что кто-то пытался его убить,– отчеканил Венн,– вернее, не пытался, а убил, Гор умер у меня на руках. Если бы какое-то наитие ни заставило меня прийти за ним на час раньше, твоего брата уже бы похоронили. Какой-то мерзавец выбил чурбак из-под его ног, чтобы мальчик повис в кандалах, да ещё и засыпал очаг снегом, что б уж наверняка. Честнее и гуманнее было бы его просто зарезать, но злодей решил выдать убийство за несчастный случай.

Сабин с ужасом посмотрел на отца, такого он не ожидал. Кто же мог желать смерти безобидного мальчишки? Это был полный абсурд.

– Кто это сделал? – ошарашенно пробормотал он.

– Это мы узнаем, когда твой брат очнётся,– Венн похлопал сына по плечу. – Беда в том, что убийца тоже это понимает и попробует закончить то, что ему не удалось в первый раз, поэтому у комнаты стоят охранники. Будь неотлучно рядом с братом, сын, его жизнь зависит и от тебя тоже. И никаких

гостей, кроме Анары и нас с Корой. Ты понял?

Сабин кивнул и с грустью посмотрел на бледное личико на подушке. Что-то слишком много трагичного происходит в их жизни в последнее время. Сначала он своим безрассудством чуть не угробил брата в храме Золотой Девы, затем тот спас его самого от верной смерти, и сам оказался на краю гибели. Да к тому же теперь ещё убийца бродит где-то поблизости. Самое ужасное, что это кто-то из своих, чужаков в посёлке не бывает.

– Сабин, объясни мне, будь добр, почему ты даже не попытался бороться, – тихо спросил отец. – Ни за что не поверю, что у тебя не хватило воли. Ты решил умереть? – увы, старшенькому нечего было сказать в своё оправдание, отец раскусил его в два счёта, на то он и Создатель, поэтому парень просто сидел, насупившись как сыч, и молчал. – Ты обиделся на меня за то, что я приговорил тебя к этому наказанию? – продолжал допытываться отец. – Разве оно было незаслуженным?

– Ты мог хотя бы подсказать, что это было: пытка или казнь, – Сабин обиженно засопел и отвернулся.

– Странно, я думал, что ты понял, – усмехнулся Венн, – это как раз зависело только от тебя. Если бы не вмешательство Гора, я дал бы тебе умереть, раз ты сам так решил. Мне было бы очень больно, но я бы это принял, мой преемник не может быть слабым.

Сабин вскинул голову и снова наткнулся на сочувствен-

ный взгляд синих глаз.

– Прости, отец,– тихо произнёс он,– во мне говорила обида. Я готов пройти это испытание снова, когда скажешь.

– Конечно, пройдёшь, куда ты денешься,– отец ободряюще кивнул,– но позже, сейчас у нас есть более насущные дела. Ты плохо справляешься со своими страстями, Сабин. Эмоции – это не порок, но нужно держать их под контролем и не давать им управлять твоими решениями. Сам посмотри, из-за вздорного каприза ты потащил брата в храм, хотя я предупреждал тебя, что это опасно, обида на отца чуть не привела к твоей смерти, а твой брат лежит в коме. Для венна подобная распущенность просто невысказана. Ты, конечно, нечистокровный венн, но это ещё не причина, чтобы позволять чувствам взять верх над твоим разумом. Надеюсь, ты хорошо усвоишь этот урок.

– Я думал, что ты меня создал по своему образу,– насупился Сабин. – Почему же я нечистокровный венн? И какая вообще разница между людьми и веннами? Внешне мы очень похожи.

– Венны существовали в нашей Реальности до людей,– отец уселся поудобней и начал рассказывать,– затем Создатель решил дать людям шанс, и мы ушли. Люди отличаются от нас гораздо сильнее, чем кажется, у них женские и мужские энергии перемешаны в каждом индивидууме, а у нас они разделены, мужчины являются носителями творческого потенциала, а женщины – энергии творения. Только объеди-

нившись, эти два начала могут сотворять Реальность, поэтому ни один венн не может стать Творцом без своей женщины.

– Но это как-то ненадёжно, – возразил сын, – а что, если ты не встретишь свою женщину?

– Да, это сложно, – согласился Венн, – наверное, поэтому Создатель решил заменить нас людьми. Но специализация всегда даст сто очков вперёд универсальности, людям недоступны те вершины интеллекта и творчества, какими обладают венны, зато им не нужны женщины, чтобы воплощать свои творения в Реальности.

– Тогда почему же ты сделал меня неполноценным венном? – Сабин откровенно обиделся.

– Когда я тебя создавал, Анары не было даже в проекте, – пояснил Венн, – нужно было обеспечить тебе хотя бы небольшую автономность. Но ты гораздо больше венн, чем любой другой член рода, кроме меня, конечно.

– А почему нельзя было одновременно создать меня и Анару? – нечистокровного венна явно не удовлетворило такое объяснение.

– Это невозможно, – рассмеялся отец, – ещё никому из Игроков в нашей Реальности не удалось создать чисто женское сознание, оно очень неустойчиво и быстро самоуничтожается. Женщины веннов рождаются вполне естественным путём, так что Анару даже нельзя назвать твоей сестрой.

– А Гор откуда взялся? – полюбопытствовал Сабин. – Он

ведь тоже мне не настоящий брат.

– Гор считает, что я его усыновил после смерти его родителей,– объяснил отец,– но это не так, я его создал так же, как тебя, так что вы точно братья.

– Но я никогда не видел его маленьким,– Сабин был в полной растерянности. – Где же он находился до двенадцати лет?

– Нигде,– пожал плечами Создатель,– я создал его подростком, решил, что тебе не помешает младший братишка, и вроде бы не ошибся. Только Гора я сделал человеком, у него женские и мужские энергии пребывают в балансе, точно пополам, от венна у него только синие глаза.

Собеседники одновременно перевели взгляды на объект своих обсуждений. Синие глаза Гора были открыты, и он с интересом слушал откровения о своём происхождении. Вокруг ожившего мальчика сразу началась суета, прибежали Кора с Анарой, вопросы посыпались, как горох из дырявого мешка, всем хотелось узнать о его самочувствии. Но Гор пока не был способен на внятные разговоры, ему хотелось спать. Наконец Венн прикрикнул на перевозбуждённых родственников и отправил всех, кроме Кору, по домам. На следующее утро отец пришёл в комнату выздоравливающего сына, когда ещё толком не рассвело, и был немало удивлён, застав Анару у постели сына. Пациент уже сидел, откинувшись на подушки, и молодёжь что-то оживлённо обсуждала. Выдворив дочь из комнаты, Венн запер дверь и уселся в

кресло напротив сына.

– Кто это был? – в лоб спросил он. Гор не стал разыгрывать непонимание, но и отвечать не спешил, он опустил глаза и молчал. – Ты же не станешь утверждать, что чурбак опрокинулся случайно, а огонь погас сам по себе? – отец поднял голову сына за подбородок и внимательно посмотрел ему в глаза. Взгляд мальчика был спокойным и открытым, но он не издал ни звука. – В чём дело, малыш? – голос отца дрогнул. – Этот человек пытался тебя убить, разве ты не понял?

– Но не убил же, – наконец произнёс Гор.

– Ошибаешься, – Венн невесело усмехнулся, – твоё сердце не билось как минимум пять минут, да и следующие несколько часов тебя можно было назвать живым очень условно. Почему ты не хочешь назвать его имя?

– Я не хочу мести, – еле слышно прошептал Гор, – я сам с ним поговорю и выясню, почему он это сделал.

– При чём здесь месть? – Венн вскинул голову, словно его ударили. – Сынок, послушай меня внимательно, по нашему посёлку сейчас ходит убийца, я не могу этого допустить.

– Прости, отец, – мальчик опустил глаза, – я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Венн не мог поверить своим ушам, парень остался в живых просто чудом, а его заботит только то, чтобы из-за него не пострадал убийца. Или это он вовсе не из-за убийцы так переживает? Значит, из-за Сабина, других претендентов нет. Похоже, убийца связан со старшеньким, и тогда догадаться,

кто это был, совсем нетрудно. Из пятерых человек, что присутствовали в тот день в зале наказаний, только один Годвин был близок с Сабиним, до появления Гора они вообще были не-разлей-вода. Вот и отгадка этого странного покушения, Гор занял место Годвина рядом с наследником. Жаль, доказательств нет, но это дело поправимое.

– Хорошо, приходи в себя,– согласился отец,– я с этим делом сам разберусь.

Через два дня Создатель собрал на центральной площади общее собрание посёлка. Пришли все, кто мог ходить, даже Гор приполз, поддерживаемый братом и Анарой. Венн в нескольких ёмких фразах живописал недавние события и задал риторический вопрос, не желает ли убийца сознаться в преступлении. Естественно, никто не отозвался.

– Что ж, тогда у меня нет выбора,– Создатель тяжело вздохнул и мрачно оглядел собравшихся. – В тот день в зале наказаний присутствовало пять человек,– с расстановкой произнёс он. – Выйдите вперёд все пятеро. – четверо охранников и Годвин вышли вперёд и выстроились в линию перед Создателем. – Гор,– обратился к сыну Венн,– я уверен, что человек, пытавшийся тебя убить, находится в этом ряду. Ты готов назвать его имя?

Мальчик бросил быстрый взгляд на брата и опустил глаза.

– Так и есть,– отметил про себя Венн,– младшенький не хочет причинить боль брату, обвинив его наставника и приятеля в покушении на убийство. Малыш ни за что не при-

знается, что ж, придётся доиграть этот спектакль до конца.

– Ну раз ты не желаешь нам помочь, – со вздохом проговорил Создатель, снова обращаясь к сыну, – то придётся казнить всю пятёрку, тогда убийца уж точно не избежит наказания.

Мальчик затравленно глянул на отца, но не проронил ни слова. Вместо него раскрыл рот Годвин.

– Не нужно, Создатель. Ты ведь уже знаешь, что это я пытался убить твоего сына.

Гор поднял глаза на Сабина и взял его за руку. Лицо старшего брата стало белым как мел, в его глазах застыла боль. Он уже догадался о причине покушения и о том, почему его брат так упорно скрывал имя убийцы.

– Знаю, – подтвердил Создатель, – и надеялся, что у тебя хватит духу сознаться, Годвин. Твоя казнь начнётся завтра на рассвете, а когда она закончится, будет зависеть от тебя самого. Взять его, – приказал он охранникам.

Двое охранников быстро связали преступника, тот не сопротивлялся, и по его виду никак нельзя было сказать, что парня как-то взволновала новость о скорой мучительной смерти, если бы ни мертвенная бледность, разлившаяся по его лицу. Однако увести арестованного охранники не успели.

– Отец, позволь мне его убить, – Сабин вроде бы обратился к отцу, но смотрел только на Годвина.

Над площадью повисла мёртвая тишина, и в этой тишине

скрип снега под ногами Венна, когда тот шёл к сыну, прозвучал как удар хлыста.

– Хорошо,– Создатель достал из ножен знакомый всем присутствующим белый стилет и протянул его палачу,– это твоё право отомстить за брата.

Сабин неловко взял стилет и опустил глаза, у него и в мыслях не было мстить, он просто хотел избавить своего друга от мучений. Впрочем, для отца его мотивы вовсе не были тайной, но они оба доиграли этот спектакль до конца. Минут через десять на площади остались только Годвин, Сабин и Гор, жители посёлка быстро расползлись по своим норам обсуждать увиденное.

– Спасибо, Саб,– с чувством произнёс Годвин,– не ожидал от тебя милосердия.

– Идём на обрыв,– в голосе Сабин напрочь отсутствовали какие-либо интонации, словно говорил автомат. – Гор, ты один доберёшься до дома?

– Я тебя не оставлю,– упрямо заявил младшенький,– я пойду с вами.

– Да ты еле на ногах держишься,– Сабин невесело усмехнулся,– я тебя не дотащу, уж извини.

– А ты развяжи руки Годвину,– предложил Гор,– вдвоём вы справитесь.

Сабин с сомнением посмотрел на бывшего друга, но всё же последовал совету младшего брата. Обнявшись, словно старые друзья, странная троица направилась к месту казни

одного из них.

Обрыв располагался примерно в полутора километрах от посёлка. Ровное каменистое плато заканчивалось в этом месте плоским гладким камнем, нависавшим над ущельем, по дну которого бежала бурная горная река. У реки была одна странная особенность, в середине дня она становилась полноводной, заполняя ущелье от стенки до стенки, но ближе к вечеру начинала мелеть и в полночь практически пересыхала, обнажая острые клыки скал. И так каждый день в любое время года, даже зимой. В посёлке пользовались этой странностью прихотливого водного потока, чтобы хоронить умерших. Тела сбрасывали вниз с обрыва ранним утром, и в полдень полноводный поток уносил их вниз по течению в страну предков. Изредка так казнили преступивших закон. Поутру смертника сбрасывали на острые скалы, а в полдень от трупа не оставалось и следа. Высота обрыва была метров сто, так что шансов выжить не было никаких.

Сегодня похоронную речку ждала привычная работа по утилизации мёртвого тела. Нет, Сабин не собирался столкнуть своего друга живым в пропасть, и кинжал, выданный на прощанье Создателем, ясно говорил о том, как именно должен умереть убийца. Вот только палач был не в восторге от предстоящей ему работы. Да что там, не в восторге, у Сабина руки тряслись и темнело в глазах при одной только мысли о том, что он должен будет сделать. Парень никогда раньше не убивал никого, крупнее комара, и начинать карьеру палача с

убийства друга представлялось ему просто немыслимым. Но он сам вызвался, и теперь поздно было отступить.

Они сидели на краю обрыва, отдыхая после того, как тащили Гора буквально на руках. Своих сил у мальчишки хватило метров на сто, не больше.

– Сабин, давай его отпустим,– попросил Гор,– не нужно его убивать. Притащим Годвину еды и тёплой одежды, и пусть уходит. А отцу скажем, что он мёртв.

Сабин уже хорошо знал характер своего брата, и поэтому подобное предложение его ничуть не удивило, он только горько усмехнулся и покачал головой. Зато Годвин уставился на маленького пацифиста, как на чудо заморское.

– Я же пытался убить тебя, парень,– ошарашенно произнёс он,– почему ты хочешь меня спасти? Сколько времени ты там промучился в кандалах?

– Понятия не имею,– беспечно отозвался Гор,– продержался, сколько смог. Годвин, я не держу на тебя зла и не желаю твоей смерти, правда. А ещё я не хочу, чтобы мой брат стал убийцей, тем более своего друга и наставника.

При этих словах Сабин вздрогнул и отвернулся к пропасти, чтобы не выдать, как его передёрнуло от страха.

– Да ты просто ангел,– улыбнулся Годвин,– мне очень жаль, что я пытался тебя убить, малыш, и вовсе не потому, что мне за это придётся заплатить своей жизнью, поверь. Я ошибся, рядом с Сабиним ты как раз на своём месте. Не оставляй своего братишку, ангелочек, ты ему очень нужен.

– Тогда уходи,– попросил Гор,– Сабин, ну что ты молчишь?

Старшенький поднялся на ноги и угрюмо посмотрел на небо.

– Не получится,– произнёс он безучастно,– отсюда не сбежишь, особенно зимой. Здесь кругом дикие земли, и никакого жилья на много дней пути.

– Согласен,– подтвердил Годвин,– побег – это верная смерть, только медленная и мучительная. Предпочитаю нож в сердце.

Он тоже поднялся, и теперь двое мужчин стояли на краю обрыва и смотрели друг другу в глаза. Годвин сделал шаг вперёд и обнял друга.

– Не тяни,– попросил он и, отступив на шаг, распахнул куртку на груди.

Сабин судорожно вздохнул и вытащил из-за пояса отцовский белый стилет, пытаясь удержать дрожь в руках. Но это ему не удалось, тонкое лезвие ходило ходуном, разбрасывая кругом весёлые солнечные зайчики. Годвин презрительно посмотрел на эту жалкую картину и усмехнулся.

– Разве этой иголкой можно кого-то убить? – презрительно бросил он и достал из-за голенища свой охотничий нож. – Держи, потом измажешь стилет моей кровью и предъявишь отцу как доказательство.

Сабин кивнул, убрал белую иглу обратно за пояс и неуверенно протянул руку за ножом.

– Ладно уж, не будем делать из твоего брата убийцу, малыш, – улыбнулся Годвин и приставил нож к своей груди. – Береги своего ангела, друг.

Сабин на секунду зажмурился, а когда снова открыл глаза, тело Годвина уже падало в снег. Первым очнулся Гор, он подполз к мёртвому парню и горько заплакал, уткнувшись в его плечо. Сабин уселся рядом в снег и обнял брата. С тех пор он начал называть Гора Ангелом. Прозвище быстро прижилось, наверное, потому, что действительно очень подходило парнишке. Гор так и не принял жестоких законов, по которым жило племя его отца, он был словно бы не от мира сего. Нет, парень не проявлял агрессии, скорее, наоборот, был добродушным и покладистым, но только до тех пор, пока дело не касалось его неписанных правил. Тогда он стоял насмерть, причём буквально.

К сожалению, в кодекс поведения Ангела никак не вписывалось беспрекословное подчинение Создателю, и это очень быстро поставило его жизнь на грань смертельного риска. Предводитель рода просто не мог позволить кому бы то ни было нарушать его волю, даже сыну. Нет, Гор вовсе не пытался противопоставлять себя отцу, и если приказы Создателя представлялись ему правильными, выполнял их с радостью и рвением, но если что-то казалось ему несправедливым, то заставить Ангела подчиниться не мог никто. Рано или поздно это должно было закончиться трагедией. Оба, отец и сын, это понимали.

Глава 4

– Интересно,– задумчиво произнёс Венн,– ты назвал созданных тобою существ ангелами, потому что тебя самого так звали?

– А кто же ещё может родиться у Ангела, кроме ангелочков? – Антон состроил невинную гримаску, но потом не выдержал серьёзного тона и рассмеялся.

– Но я-то ведь не сделал тебя венном,– возразил отец,– твоё сознание чисто человеческое.

– Я очень благодарен тебе за это, правда,– «ангельская» улыбка, временами доводившая Венна до белого каления, снова расцвела на губах его сына. – Хотя, если честно, я так и не понял, зачем ты меня вообще создал. Сабин, понятно, был твоим преемником, Анару ты наметил ему в спутницы жизни, а какую роль ты отводил мне?

– Не думаю, что тебе понравится правда о твоём происхождении,– ответил Венн,– пусть всё остаётся, как есть.

– Отец, у меня за спиной шестьсот лет осознанного существования,– Антон осуждающе покачал головой. – Неужели ты думаешь, что правда о твоих мотивах может меня шокировать?

– Ты был самой большой моей ошибкой, Ангел,– Венн тяжело вздохнул и грустно посмотрел на сына. – Я сотворил тебя, чтобы создать Сабину конкурентную среду. Видишь ли,

у твоего брата не было стимула работать над собой, и он, естественно, обленился, да и к Анаре относился, скорее, как к младшей сестрёнке, чем как к своей женщине. Но, вместо того, чтобы подтолкнуть Сабина к развитию, ты занял его место, а теперь ещё и отправил его на перевоплощение.

– Я его не убивал,– возразил Антон,– он умер от старости и упадка сил.

– Творец не может умереть от старости,– Венн насмешливо фыркнул,– не морочь мне голову.

– А он перестал быть Творцом,– Антон инстинктивно начал оправдываться, хотя для этого не было причин,– что-то с моим братом произошло пятьсот лет назад, он очень сильно изменился.

– Просто ты отнял у него Анару,– голос отца сделался жёстким,– а без своей женщины венн не может воплощать свои творения в Реальности.

– Как же можно отнять живого человека? – искренне удивился Антон. – Только сама Анара имела право решать, с кем ей быть. Разве не так?

– Ты – человек, Гор, и потому не понимаешь, о чём говоришь,– Венн даже не попытался скрыть своего презрения к человеческой расе. – Женщины веннов следуют своей миссии, а не желаниям или прихотям. Предназначением Анары было стать женщиной Сабина, а не твоей любовницей. Ты грубо вмешался в её судьбу.

– Может быть, и вмешался,– легко согласился похититель

веннской женщины,— но ведь Алиса счастлива со мной.

— Я вообще не понимаю, зачем она тебе понадобилась,— вздохнул отец,— у тебя своей женской энергии полно. Тебе не нужна женщина, чтобы творить.

— Что же тут непонятного? — ангельская улыбка снова тронула губы Антона. — Я люблю её.

— Не говори глупостей,— отрезал Венн,— любовь — это сказка, придуманная людьми, чтобы оправдать свою похоть.

— Мне очень жаль тебя, Создатель,— вздохнул Антон.

В начале пути...

Когда Венн решил обеспечить своего преемника конкурентом, он и представить себе не мог, какой головной болью обернётся это предприятие, а ведь поначалу план казался просто идеальным. Создатель сотворил Гора человеком, а не венном, чтобы тот не мог сравниться с Сабиним по мощи интеллекта, и намеренно сделал его на пять лет моложе брата, чтобы на его фоне сам преемник выглядел взрослым мужчиной в глазах Анары. Девочки ведь редко обращают внимание на своих сверстников, они взрослеют раньше мальчишек. Чтобы объяснить появление в посёлке двенадцатилетнего подростка, Венн придумал легенду про усыновление. Это автоматически понижало статус Гора, в сравнении с законным наследником. Вот только ни один предохранительный клапан не сработал.

Венн хорошо помнил, как привёл Гора в первый день его жизни в столовую и представил родственникам. Наведённая память о несуществующей погибшей семье надёжно защищала психику мальчика от шока, но тот всё равно чувствовал себя чрезвычайно дискомфортно, его натурально трясло от потока новых переживаний и ощущений. Кора, Анара и Сабин сидели за столом и ласково смотрели на «сиротку», а сам мальчик был буквально на грани обморока.

– Знакомьтесь, это Аннагорн, – представил Создатель своё новое творение собравшейся за столом семье.

– Ну и имечко, – фыркнул Сабин, – язык сломаешь. Я буду называть тебя Гором, не возражаешь?

Гор попытался что-то ответить, но губы его так сильно дрожали, что он не смог проронить ни звука. А потом его глаза встретились с глазами Анары, и мальчик моментально успокоился. Что это было? Та самая любовь с первого взгляда? В мировоззрении Венна, как и его сородичей, не существовало никакой любви, это было что-то из области фантазий пубертатного возраста. Однако не заметить перемены в состоянии Гора было невозможно, мальчик словно проснулся. Правда, в тот момент Венн не придал особого значения этому происшествию, а вот Сабин сразу заметил ошарашенный взгляд своего новоиспечённого брата и весело рассмеялся. Он встал из-за стола, обнял мальчика и усадил его рядом с Анарой. Через несколько минут вся троица уже оживлённо щебетала, как будто они росли вместе с раннего дет-

ства.

Внедрение конкурента для наследника прошло даже лучше, чем Создатель мог рассчитывать, но вот дальше всё пошло не так, братья никак не желали конкурировать. Сабин принял Гора как родного и очень быстро искренне к нему привязался. Он опекал младшенького, словно был его нянькой, и на его откровенный интерес к своей будущей женщине смотрел снисходительно, даже с одобрением.

Для того, чтобы сделать Гора хотя бы слегка конкурентоспособным, Венн со всем рвением начал натаскивать его в теории и практиках управления Реальностью. Но дело шло туго, человеческое сознание никак не успевало за интеллектом венна, и мальчишка топтался на одном месте, будучи не в силах справиться со свалившейся на него нагрузкой. Создатель уже начал раскаиваться, что сотворил его человеком, а не венном, но тут в процесс обучения вмешался Сабин, и дело сдвинулось с мёртвой точки. Старшему брату было не лень часами растолковывать мальчишке сложные понятия и техники, раз за разом находя понятные тому образы и примеры, пока новое знание ни становилось понятным и привычным. Венн с удивлением смотрел на своего наследника и поражался его спокойствию и терпению, сам он уже давно лез на стенку из-за медлительности младшего сына.

Так продолжалось где-то с полгода, а потом начали проявляться преимущества человеческого сознания Гора. Ему было непросто воспринимать сложное учение, зато, раз по-

няв суть, он превращал полученное знание в свою ежедневную практику, оно словно бы вливалось в его жизнь и становилось частью его личности. Применять усвоенные техники Гору было так же естественно, как дышать, и это давало ему неоспоримое преимущество перед его более интеллектуальным братом. Гора никогда не мучили сомнения в своих способностях, действительно, не станете же вы сомневаться в том, что сможете сделать ещё один вдох, если до этого уже много раз вдыхали воздух в лёгкие. А Сабину, чтобы довести применение навыков до автоматизма, приходилось проходить через многочисленные повторения и наработку безусловных рефлексов. В результате, Гор начал обходить своего старшего брата, по крайней мере, в тех областях, которые Сабин ему сам же и растолковал.

Поначалу Венну такой расклад очень понравился, поскольку он реально подстёгивал преемника к дальнейшему развитию, но его радость продлилась недолго. Он перестал натаскивать Гора, ведь с конкуренцией можно было и переборщить, зато Сабин, вместо того, чтобы самому идти вперёд и наращивать отрыв от младшего брата, продолжал возиться с Гором и радовался его успехам, как своим. Иногда дело доходило до абсурда, и уже младшенький помогал своему брату осваивать техники, а Сабин при этом не испытывал ничего, кроме благодарности за помощь. Смотреть на эту картину было для Создателя унижительно, но поделаться с этой парочкой он ничего не мог, тем более, что своей основной

цели он всё-таки добился, преемник почувствовал интерес к знаниям, и его развитие явно ускорилось.

Этот случай Создатель запомнил надолго и до сих пор вспоминал его с содроганием. В тот день Сабину предстояло пройти испытание, которое было обязательным завершением каждого раздела обучения. На этот раз речь шла о способности сознания освобождаться от якоря своего тела и существовать независимо от своей материальной оболочки. Сабин научился покидать своё тело примерно год назад, но отец долго не позволял ему сдать экзамен, так как считал, что тот был ещё не готов. Дело в том, что все подобные испытания были сопряжены с риском, ведь они должны были показать, что практикующий сможет применить полученные навыки в любой стрессовой ситуации. И только учитель имел право решать, когда ученик будет готов к этому риску.

Суть испытания состояла в том, чтобы спрыгнуть с обрыва на обнажившиеся с утра острые скальные зубья. Для тела это, понятно, было заведомо смертельно, но ведь в том и заключался весь фокус, чтобы продемонстрировать способность практикующего обходиться без тела. Испытание усложнялось тем, что разрешалось покинуть тело только после смерти последнего и ни секундой раньше. То есть нужно было натурально разбиться о скалы, а затем бесплотным духом прилететь к Создателю, чтобы тот сотворил новое тело. Сам Сабин создать себе тело пока не умел.

К тому моменту Гору как раз исполнилось пятнадцать, и

пару недель назад он тоже впервые покинул своё тело. Сделав это однажды, малец проникся полной уверенностью, что техника им полностью освоена, и действительно, на тренировках он проделывал все упражнения наравне со старшим братом. К экзамену Гора, разумеется, не допустили, что, впрочем, его совершенно не расстроило. Парень занял своё место среди зрителей рядом с Анарой и Корой, за брата он совершенно не переживал, сомнения ему были несвойственны. Зато сам старшенький мандражировал не по-детски. Дело в том, что у Сабина имелись две тщательно скрываемые фобии. Во-первых, все вопросы, связанные со смертью, он воспринимал очень болезненно, не то чтобы откровенно боялся, но до хладнокровного отношения к смерти своего тела ему было далеко. Второй фобией Сабина была боязнь высоты. Увы, в предстоящем испытании, как назло, присутствовали сразу оба фактора, напрямую бьющих в его слабые места, так что особой уверенности в успешной сдаче экзамена у старшенького не было от слова совсем, что само по себе тоже не прибавляло очков в его пользу.

И всё-таки он сумел взять себя в руки, подойдя к краю плоского камня, нависающего над пропастью, Сабин зажмурился и без колебаний сделал последний шаг в пустоту. Если бы при этом он сразу разбился, то зачёт на экзамене был бы ему гарантирован, покидать своё тело испытуемый научился довольно основательно. К сожалению, до дна пропасти этому телу сначала нужно было пролететь сто метров, а

на это требовалось несколько секунд. Этих секунд хватило, чтобы у парня сдали нервы, и он выпорхнул из своего тела за несколько метров до точки приземления.

– В чём дело, Сабин? – грозно воззрился на него отец, когда двоечник предстал перед ним во плоти. – Разве тебе неизвестны условия испытания?

Сабин молчал, понимая, что оправдываться бесполезно, да и нечего было ему сказать в своё оправдание, кроме того, что он тупо испугался. Гор, естественно, сразу рванулся к брату, чтобы поддержать, но Кора его удержала. По правилам испытания Сабин должен был справиться сам, не рассчитывая ни на чью помощь. Наконец отец перестал сверлить взглядом двоечника и резким движением послал его на пересдачу. Пока Сабин шёл к обрыву, ему казалось, что во второй раз спрыгнуть будет легче, но всё оказалось с точностью до наоборот. В первый раз он ещё не представлял, что его ждёт, зато теперь иллюзий уже не осталось. То, что поначалу было просто мандражом, превратилось в настоящую панику.

Сабин уже пару минут торчал столбом на краю обрыва, стараясь не смотреть вниз, и ясно понимал, что ни за что не сделает следующий шаг. Неожиданно в его руку скользнула знакомая узкая ладошка. Непонятно откуда взявшийся Гор стоял рядом и смотрел на брата со своей неизменной улыбкой.

– Давай на счёт три, – весело предложил он.

Сабин попытался вырвать свою ладонь из руки брата, но тот вцепился в неё, словно клещами.

– Ты не можешь спрыгнуть, – воззвал он к рассудку отчаянного малолетки, – ты же просто погибнешь.

– Раз, – запустил обратный отсчёт Гор.

– Прекрати, это же не шутки, – Сабин уже откровенно разозлился, – будет по-настоящему больно.

– Только секунду, – беспечно заявил младшенький, – два.

И Сабин сдался, на счёт три братья, взявшись за руки, сиганули в пропасть. На этот раз у Сабина всё получилось в точности, как было предписано правилами экзамена. У Гора, кстати, вышло ничуть не хуже, зря старший брат за него переживал. Вскоре оба уже стояли во плоти перед отцом и, радостно улыбаясь, по-прежнему держались за руки. Вот только на лице Создателя радости не было никакой.

– Ты нарушил мой запрет, – холодно произнёс он, обращаясь к Гору. – Можешь объяснить, почему?

– Не могу, мне просто захотелось спрыгнуть, – младшенький безмятежно смотрел в глаза отцу, хотя это была заведомая ложь.

Венн мрачно нахмурился, но настаивать не стал. Очевидно, что признаваться в том, что просто спасал репутацию брата, Гор не станет. Отец, конечно, не повёлся на этот спектакль и в глубине души даже был благодарен за то, что младшенький не позволил брату потерять лицо. Однако это был не повод, чтобы спускать наглое нарушение правил испыта-

ния при свидетелях.

– Ты будешь наказан,– сурово произнёс Создатель,– ступай в дом наказаний.

Гор высвободил свою руку из ладони брата и, ни слова не говоря, пошёл в посёлок. Двое охранников пристроились за ним, хотя ожидать, что парень попытается сбежать, не приходилось, скорее, это была дань традиции.

– А ты,– отец ткнул в старшего сына указательным пальцем,– пройдёшь испытание ещё раз без того, чтобы тебя толкнул с обрыва мальчишка.

Сабин тоже молча развернулся и пошёл к обрыву. Он даже не задержался на краю, чтобы глянуть вниз, страха он больше не испытывал, младший брат волшебным образом превратил его кошмар в весёлую игру.

На этот раз подставлять чурбачок под ноги малолетнему преступнику не потребовалось, Гор был не по годам высоким, и в свои пятнадцать уже почти догнал в росте своего двадцатилетнего брата. Когда Венн вошёл в дом наказаний, охранники уже развели огонь в очаге и приковали парня к столбу. Создатель небрежным жестом выпроводил охрану за дверь, ему нужно было поговорить с сыном наедине. Гор спокойно смотрел в глаза отцу и, как обычно, улыбался.

– Ты ведь совсем не раскаиваешься,– не то спросил, не то констатировал Создатель.

– Не в чем,– согласился парень,– брату нужна была моя помощь.

– Да, ты действительно помог, – отец ласково погладил сына по щеке.

– Тогда в чём моя вина? – вскинул голову Гор. – Если бы я спросил у тебя разрешения, ты бы всё равно отказал.

– Я тебя не виню, – Венн грустно улыбнулся, – но я не могу постоянно покрывать твоё открытое неповиновение. Ты меня понимаешь? – Гор не ответил. Это была чистая правда, отец частенько делал вид, что не замечает его выходок, которые он сам для себя почитал за жизненные правила. Бесконечно такая ситуация продолжаться не могла, и чем это должно было закончиться, было понятно без объяснений. – Может быть, тебе просто нравится ходить по краю? – отец устало вздохнул. – Не похоже, ты ведь разумный мальчик. Гор, ты можешь хотя бы изредка делать выводы из полученных уроков? – сын по-прежнему хранил молчание, он отлично понимал резоны отца и совсем не осуждал его за жестокость, но и поступаться своими принципами не собирался. – Я ведь должен тебя наказать сейчас, – продолжал тот, – а за что? За то, что ты спас репутацию моего наследника? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие тебя мучить?

– Мне правда жаль, – наконец отозвался Гор, – но по-другому я не смогу, просто не умею. Ты сам меня таким создал.

Создатель вздохнул и кликнул охранников, осуществлять наказание требовалось при свидетелях. Узкое лезвие вынырнуло из ножен, отблески огня заиграли на его гранях. То, что сын всё понимал, не делало задачу Венна легче, и, главное,

он отлично видел, куда приведут младшенького его представления о справедливости. Наверное, отцу было бы легче, если бы сын возмутился и обвинял или хотя бы перестал улыбаться. Увы, на этот раз чуда не случилось, и улыбка не сползла с губ Ангела, даже когда белая игла вошла в его грудь. Парень научился не реагировать на боль, так как наказывали его с завидной регулярностью. Зато, когда всего через полгода Гор снова оказался у столба, ему уже стало не до веселья. Но то была совсем другая история.

– Ты можешь мне не верить, отец, но я никогда не отбирал женщину у твоего преемника, – Антон спокойно смотрел в глаза своего угрюмого родителя. – Когда мы ушли из посёлка, он продолжал с ней практиковать каждый день.

– Ты хочешь сказать, что разрешал своей женщине практиковать с другим мужчиной? – недоверчиво набычился Венн.

– Как же ты не понимаешь, отец, – Антон в отчаянии взмахнул рукой, – Алиса – вовсе не моя собственность, она живёт со мной только потому, что сама этого хочет, и только она решает, что ей делать. Если она посчитала нужным помогать Сабину, почему я должен был возражать?

– А что бы ты сделал, Ангел, если бы твоя Анара совсем ушла от тебя к твоему брату? – ехидно поинтересовался Венн.

– Отпустил бы, – Антон печально вздохнул. – Не уверен,

что смог бы после этого жить дальше, но принял бы её решение. Свободу воли, знаешь ли, ещё никто не отменял.

– Свобода воли, – протянул Венн задумчиво. – А ты знаешь, сын, что это относительно новый алгоритм Игры в Реальность? Когда в этом мире жили венны, такого закона не было.

– Как это не было? – Антон не на шутку встревожился. – Это же один из основных законов мироздания.

– Раньше мироздание в нашем мире строилось в соответствии со строгой иерархией подчинения, – объяснил Создатель, – венны всегда управляли людьми, а люди подчинялись, ни о какой свободе воли и речи не шло. Как правило, одна семья веннов управляла двумя-тремя десятками юкагирских родов. Ты же помнишь, как всё было устроено в посёлке, где ты появился на свет?

– Да уж, тебе там никто и слова поперёк сказать не смел, – Антон недовольно нахмурился.

– Кроме тебя, – усмехнулся Венн. – Сколько же раз ты оказывался у пыточного столба за своё неповиновение?

– Не считал, – огрызнулся сын, – но мне эта белая игла ещё долго по ночам снилась, когда мы ушли из посёлка. Скажи, отец, а почему они все так тебя боялись?

– Ты ошибаешься, Гор, дело было вовсе не в страхе, – Венн грустно улыбнулся, – мы жили по закону, и закон предписывал людям повиноваться. Мы были для людей правителями, судьями, учителями и в каком-то смысле богами. До ката-

строфы венны выглядели иначе, чем сейчас, обычно мы имели рост в четыре-пять метров, рядом с людьми мы казались великанами, а силы, которыми мы обладали, людям даже не снились, я уж не говорю про знания.

– А что это за катастрофа, о которой ты всё время упоминаешь? – Антон удивлённо поднял одну бровь.

– Она была не единственная, – принялся объяснять Венн, – на самом деле Создатель довольно часто меняет условия Игры. Для Игроков это принимает вид катастрофы с извержениями вулканов, гигантскими волнами, ураганными ветрами и тому подобными убийственными эффектами. После катастрофы мир становится другим, меняется всё: ландшафты, растения, животные и, конечно, Игроки. Чаще всего Создатель устраивает миру встряску именно для того, чтобы сменить тип Игроков, в последний раз это была замена веннов на людей. Когда-нибудь людей сменят другие Игроки, возможно, это будут твои ангелы. И снова будет трещать земля и рушиться в океан, смываемая гигантскими волнами вместе с животными и растениями.

– И куда же делись венны, когда люди их выперли с их же земли? – Антон поудобней устроился в кресле, в ожидании увлекательного рассказа.

– Они ушли, – Венн неприязненно передёрнул плечами. – Те, кто были обычными Игроками – на перевоплощение, чтобы затем стать людьми, а те, чьи сознания прошли трансформацию – в пятимерный мир, в котором обитает наш Со-

здатель.

– Хочешь сказать, что трансформированные сознания слились с сознанием нашего Создателя? – уточнил Антон.

– Отнюдь, – Венн отрицательно покачал головой, – их сознания стали пятимерными, и наш мир перестал их вмещать, но, насколько мне известно, никто из веннов не принял такого решения о слиянии.

– Но ведь они же являются проявлениями сознания нашего Создателя, – Антон наострил ушки, уже предчувствуя нечто сенсационное. – Как же они могут существовать вне сотворённого им мира?

– Гор, мальчик мой, – Венн снисходительно улыбнулся, – а как же твои ангелы существуют в базовой Реальности вне созданного тобой мира? А как существуешь ты сам? Ведь твоим Создателем являюсь я, а не Создатель базовой Реальности.

– Ты хочешь сказать, что Создатель Большой Игры, перехватывает управление над творениями подчинённых ему Создателей? – Антон недоверчиво нахмурился, но тут же снова заулыбался. – Ну конечно, ведь Дэлвиг после перевоплощения стал проявленным сознанием нашего общего Создателя.

– Ты и сам больше не моё воплощённое сознание, Гор, – усмехнулся Венн, – тобой тоже управляет наш общий Создатель.

– И кто же тогда управляет сознаниями ушедших в пятимерный мир веннов? – Антон с любопытством взглянул на

отца.

– Неужели не понятно? – Венн недовольно поджал губы. – Ими управляет тот, кто создал Игру, в которой наш Создатель – это всего лишь один из Игроков. Есть, правда, небольшая разница с твоим случаем. Сознания ушедших веннов первоначально не были пятимерными, они обрели бóльшую мерность в процессе развития, поэтому им пришлось пройти через трансформацию сознания.

– Звучит пугающе, – заметил Антон.

– Да, дружок, для тебя всё новое всегда звучало пугающе, – Венн снисходительно улыбнулся. – Если бы ни Сабин, тебе бы ни за что не удалось стать Создателем, ты так бы и топтался на одном месте, опасаясь идти вперёд. Помнишь, как ты его называл?

– Ещё бы, – Антон невольно поёжился, – и особенно хорошо помню те обстоятельства, которые этому сопутствовали.

В начале пути...

– Эй, Бустер, помедленней, – весело окликнул Сабина Гор, – если ты не притормозишь, то у меня голова просто лопнет. Я же не венн.

– Как ты меня назвал? – удивился старший.

– Бустер, – повторил Гор. – А что, по-моему, это прозвище тебе очень подходит, ты ведь действительно для меня как ускоритель. Если б не твоя помощь, брат, я бы плёлся как

старая раздолбанная телега, а с тобой несешь словно наша быстроходная вимана. Дух захватывает.

Два месяца назад отец материализовал для братьев виману, чтобы они учились мысленному управлению приборами, ведь именно на этом принципе работало это быстроходное судёнышко. Тут у Сабина были явные преимущества, уже через неделю он стал настоящим виртуозом по полётам. Под его управлением вимана выделяла такие виражи, что вызвала у жителей посёлка суеверный ужас. Гор учился, как обычно, значительно медленнее брата, но зато, когда он наконец освоил азы управления, то начал летать так естественно, словно родился за штурвалом. Впрочем, никакого штурвала в вимане как раз не было, а было кресло пилота, которое само подключалось к рецепторам, стоило в него усесться.

Разбиться на этом транспорте было совершенно невозможно, даже врезавшись в скалу. В движении виману окружало мощное силовое поле, а в кабине действовал компенсатор ускорения. Скорее уж, скала могла бы раскрошиться на осколки, чем на обшивке виманы появилась хотя бы одна царапина. Понятно, что крошить скалы братья не собирались, потренировавшись летать вблизи посёлка, они приступили к обследованию более отдалённых мест. Анара, естественно, тоже просилась покататься, но поначалу отец запрещал брать её на борт, ведь то, что было безопасно для парней, освоивших выход из тела, могло грозить смертью девушке. И только убедившись, что братья управляют с виманой достаточ-

но надёжно, Создатель позволил дочери присоединиться к веселью. С тех пор вся троица в свободное от занятий время бороздила воздушные просторы, носясь над верхушками кедров или, наоборот, взлетая под самый небесный купол, где уже и воздуха почти не было.

Постепенно новое развлечение начало приедаться, поэтому братья приступили к изучению устройства виманы на предмет дополнительных функций, помимо полётов, и очень быстро обнаружили, что такие функции имеются. Оказалось, что это чудо техники было способно мгновенно перемещаться в заданное место. Собственно, ничего сверхъестественного в этом не было. Из рассказов отца братья уже знали, что сознание в своём развитии способно достичь уровня, дающего возможность мгновенно перемещаться практически на любые расстояния, а значит, техническое воплощение этой способности было бы вполне логично. Того заветного уровня развития ни Гор, ни Сабин пока не достигли, зато у виманы с прыжками через барьер проблем не было никаких, и развлечение пошло по новому кругу.

Задача пилота теперь состояла только в том, чтобы чётко визуализировать нужное место. Увы, это было возможно только для тех мест, где экспериментаторы уже успели побывать, следовательно, прежде чем переместиться в заданное объект прыжком, требовалось предварительно слетать туда в штатном режиме. Это ограничение сводило на нет всю прелесть мгновенного перемещения, и, наверное, новое развле-

чение приелось бы очень скоро, если бы неугомонных исследователей ни накрыло очередное озарение. Спустя время братья, как ни старались, уже не могли вспомнить, кому из них пришла в голову безумная мысль визуализировать не реально существующие места, а свои фантазии. Возможно, эта бредовая идея родилась в их дилетантских умах одновременно, но, так или иначе, идея появилась на свет, и они принялись экспериментировать.

Довольно быстро выяснилось, что отработать варианты, рождённые совсем уж буйной фантазией, вимана не может, видимо, таких мест в нашей Реальности просто не существовало. Для успешного прыжка требовалось найти определённый баланс между безудержным творчеством и рациональностью, это была непростая и очень увлекательная задача. Между братьями началось что-то вроде соревнования за наиболее экзотичный вариант местности, доступной для прыжка виманы. Арбитром выступала, разумеется, Анара. Нужно сказать, что в данном виде единоборства, победа всё чаще оставалась за Гором, его воображению можно было только позавидовать. Сабин пыхтел и пыжился, но вынужден был признать, что в деле создания жизнеспособных образов, интуиция Гора давала сто очков вперёд его интеллекту.

Но вот чего братья никак не могли знать, так это то, где, собственно, находились воображаемые ими пейзажи. Отец пока не успел им рассказать про альтернативные базовые Реальности и про правила перемещения по иным мирам, в

частности, о том, что сознание не может проникнуть в мир, где оно уже существует в ином варианте воплощения. Иначе говоря, у каждого сознания, оказывается, имеется свой набор альтернативных миров, куда оно способно переместиться. А вот у виманы такого ограничения не было, она могла прыгнуть в любую Реальность. Рано или поздно это противоречие должно было сыграть, и трагедия не заставила себя ждать.

В тот день в кресле пилота сидел Гор, ему очень хотелось поразить Анару каким-нибудь особо красивым местом и во все не для того, чтобы в очередной раз одержать победу над братом, а просто, чтобы порадовать свою девушку. Да, Анара стала его девушкой, но об этом знал только Сабин, и он держал язык за зубами. Всем троим было понятно, что, узнай об этом отец, сразу разразится скандал. Анара с рождения была предназначена Сабину, и это даже не обсуждалось, венны ведь не могут развиваться как Творцы без своих женщин. Анара с пятнадцати лет начала практиковать вместе с премником, у них, кстати, неплохо получалось. Гор ни чуточки не ревновал, он спокойно обходился своими силами на тренировках, зато после практик внимание Анары полностью принадлежало Ангелу.

Как ни странно, отношения Гора и Анары не стали предметом раздора между братьями, Сабин, вместо того, чтобы предъявить права на своё предназначение, стал кем-то вроде наперсника для влюблённой парочки. Он был слишком вен-

ном, чтобы самому быть способным на высокие чувства, но видеть, как эти чувства проявляются в близких ему людях, было само по себе подарком судьбы, и Сабин очень ценил этот подарок. Однажды он даже стал свидетелем того, на что были способны те тонкие вибрации, которые мы в миру называем любовью.

Как-то раз после тренировки Гор попросил разрешения тоже попробовать попрактиковать вместе с Анарой. Никаких причин отказать у парочки веннов не было, и Гор с Анарой, взявшись за руки, опустились на колени напротив друг друга. Из собственного опыта Сабин знал, что сонастройка сознаний занимает довольно много времени, и потребуется несколько недель ежедневной практики, прежде чем вибрации двух сливающихся сознаний войдут в резонанс, так что от этой попытки многого ждать не приходилось.

Он уже направился на выход из тренировочного зала, когда спиной почувствовал тепло, исходившее от коленопреклонённой парочки. Сабин резко обернулся и увидел, что фигуры Гора и Анары окутало мерцающее облако, их тела начали терять свою плотность и становиться всё более прозрачными. Когда от тел остались только контуры, облако стало заполняться изнутри белым сиянием, которое, разгораясь всё ярче, наконец превратилось в ослепительно сияющую сферу. Фигуры практикующих совершенно растворились в слепящем свете и сделались совсем неразличимы. Сабин застыл с открытым ртом, не понимая, что ему следует делать,

то ли бежать за отцом, то ли, наоборот, задёрнуть шторы на окнах, чтобы никто с улицы не заметил происходящего здесь чуда.

Величественный чёрный дракон расправил свои перепончатые крылья и в один мощный рывок взмыл в небо. Полёт был настолько стремительным, что пролетающую мимо стаю уток отбросило воздушным потоком на сотню метров в сторону. Однако всадник, сидевший на спине дракона, даже не шелохнулся, он словно врос в тело летучей рептилией. Весь закованный в чёрную матовую броню, такую же, как чешуя у дракона, всадник сидел с прямой спиной, как будто бивший ему в лицо яростный поток ветра был лишь лёгким невесомым дуновением. Сейчас ему уже не было шестнадцать, драконом управлял взрослый, уверенный в себе воин. Уздечки не требовалось, сознания всадника и дракона слились и стали единым сознанием.

Величественный ящер плавно плыл над одеялом плотных белых облаков, освещённый яркими лучами солнца. Однако матовая броня совсем не отражала солнечных лучей, со стороны дракон и его всадник казались чёрной дырой в небосводе. Повинуясь мысленному приказу, бронированная птица сложила крылья и нырнула сквозь облака. Всадник вскинул руки вверх и заорал что-то восторженное. У самой земли дракон затормозил и понёсся над волнами пологих ярко-зелёных холмов, почти касаясь высокой травы когтями.

Всюду, куда доставал взгляд, раскинулось изумрудное травяное море, кое-где прорезанное переливающимися змейками ручьёв. Полёт чем-то напоминал купание дракона в этих бесконечных зелёных волнах, отливающих серебром под яркими солнечными лучами.

Сияние начало тускнеть, и вскоре на полу, держась за ручки, снова сидели вполне материальные Гор с Анарой. Сабин перевёл дух и поблагодарил Создателя, что у него хватило выдержки немного подождать и не поднять тревогу. Парень и девушка одновременно открыли глаза и улыбнулись.

– Что это было? – выдохнул Сабин.

– Полёт дракона, – в один голос ответили практикующие и весело рассмеялись.

Они начали наперебой рассказывать, что пережили, и оказалось, что их переживания совпали до мельчайших подробностей. Сабин удивлённо переводил взгляд с одного восторженного лица на другое и не верил своим ушам. Женщины веннов никогда раньше не подключались к видениям практиков – мужчин. Это не запрещалось, просто они не умели. Да и свечения никакого вокруг практикующих обычно не возникало. То, что здесь произошло, абсолютно выходило за рамки нормального. После недолгого обсуждения троица единодушно приняла решение держать этот странный случай в тайне, по крайней мере, пока сами во всём не разберутся.

В тот роковой день Гор решил визуализировать пейзаж с изумрудными холмами, который они с Анарой видели во время совместной практики. Парню захотелось напомнить своей девушке про их общий медитативный опыт, а ещё поделиться с братом потрясающей картиной бесконечной череды холмов, похожих на морские волны. Вимана послушно приняла команду и прыгнула, но только без незадачливых экспериментаторов. Братья на мгновение зависли в воздухе, а потом их тела понеслись к земле. Уцелеть при падении с нескольких сотен метров было невозможно, и они выпорхнули из своих тел не дожидаясь, пока их размажет по камням. Вимана вместе с Анарой бесследно исчезла.

Общаться, пребывая в бестелесной форме, братья пока не научились, но это не помешало им скоординировать свои действия. Через несколько минут оба, как по команде, оказались около отца. Вернув непутёвым экспериментаторам материальность, Создатель устроил им форменный допрос и очень быстро понял, что произошло. Местность, которую визуализировал Гор, принадлежала альтернативной Реальности и оказалась для обоих братьев недоступной, так как их сознания уже были там проявлены. А Анаре доступ в тот мир оказался открыт, и она переместилась туда в чреве виманы. Немедленная смерть девушке не грозила, потеряв управление, судёнышко просто зависло в месте перехода. Жизнеобеспечение на борту поддерживалось автоматически, но запасов воды и еды практически не было, так как полёты нико-

гда не бывали длительными. Если бы этот мир оказался для Венна тоже закрыт, то Амара ждала бы мучительная смерть от голода и жажды, так как управлять виманой она не умела.

Венн считал информацию о визуализированной местности прямо из сознания Гора и принялся за поиски. Им повезло, в итоге, Амара провела на борту своей летучей тюрьмы всего несколько часов, прежде чем Создатель её обнаружил. Все то время, пока шёл поиск, на Гора было больно смотреть, парень буквально застыл в коматозном ступоре, его остановившийся взгляд, казалось, ничего не различал, словно был устремлён внутрь, лицо, побледневшее до синевы, не отражало никаких эмоций. Сабин даже не пытался его утешить, он и сам чувствовал себя довольно паршиво.

Когда солнце, задевая верхушки могучих кедров, начало клониться к закату, серебристый диск виманы наконец материализовался на главной площади посёлка. Люк открылся, и тоненькая фигурка спрыгнула на траву. Амара и Гор, не обращая внимания на остальных участников финальной сцены спасения, одновременно бросились друг к другу. Гор судорожно прижал к себе перепуганную девушку, и та обвила его шею руками. Они так и застыли в объятьях друг друга, словно боялись, что счастливый конец приключения обернётся сном.

Венн, не ожидавший столь откровенной сцены, вопросительно посмотрел на Сабина. Тот отвёл глаза и старательно сделал вид, что ничего странного не происходит, хотя

ему было понятно, что конспирации влюблённых пришёл конец. Неизвестно, сколько бы ещё времени продолжались эти запретные объятия, но тут Создатель решил, что от сцены радостной встречи пора бы перейти к следующему действию спектакля, а именно, к наказанию виновников происшествия.

– Вы оба понесёте суровое наказание,– вынес свой приговор отец,– как за попытку убийства. Гор первый, так как именно он был в кресле пилота, ну а ты, наследник, пойдёшь следующим, как соучастник.

– Отец,– взмолилась Анара,– это же случайность, они не виноваты.

– Нет, милая,– отрезал Венн,– это не случайность, а закономерное следствие безрассудного поведения. Как ты думаешь, деточка, что бы произошло, если бы та Реальность оказалась закрытой и для тебя? Сейчас твоё изуродованное тело уже доедали бы дикие звери. А если бы тот мир оказался недоступен для меня, тебя ждала бы медленная смерть от жажды и голода. Случайность – это то, что всё закончилось без жертв.

Пока отец хладнокровно перечислял возможные исходы их авантюры, Гора буквально начало трясти. Анара испуганно заглянула в его глаза и крепко взяла за руку.

– Не волнуйся, милая,– успокоил её отец,– у нашего путешественника по альтернативным Реальностям просто отходняк после стресса,– Создатель подошёл к дрожащему парню,

взял его за плечи и слегка тряхнул. Гор поднял голову и посмотрел на отца, в его глазах всё ещё метался отблеск пережитого ужаса. – Ну наконец-то я вижу не нахальную улыбку, а искреннее раскаяние, – с удовлетворением произнёс тот. – Как считаешь, Гор, это достаточный повод, чтобы на этот раз отменить экзекуцию?

– Не надо, – одними губами произнёс сын.

Анара всхлипнула и уткнулась в его плечо. Венн уверенным движением отодвинул дочь и развернул младшего отпрыска к себе лицом.

– Думаешь, после наказания тебе станет легче? – поинтересовался он. Гор только пожал плечами и опустил взгляд. Несколько долгих минут отец изучающе смотрел на младшего сына и молчал. – Ступай в дом наказаний, – наконец вынес он свой вердикт.

Когда Гор ушёл, Анара заплакала уже навзрыд, слёзы текли по её лицу, а она даже не пыталась их утирать. Венн, конечно, понимал, что девушка пережила серьёзный шок, и всё-таки её реакция была чрезмерно эмоциональной, да и плакала она, похоже, из-за участи Гора, а не потому, что уже простилась с жизнью, запертая в обездвиженной вимане. С этим следовало разобраться, но позже, когда все немного успокоятся.

– Ему самому это сейчас нужно, – серьёзно произнёс Создатель, кивнув в сторону удалявшейся фигуры Гора, – не плачь, девочка моя, – он погладил Анару по голове и напра-

вился вслед за сыном.

Венн отстранённо наблюдал, как Гор через голову стягивает куртку и рубашку, как охранники приковывают его к столбу, и молчал. Отослав, как и в прошлый раз, охрану за дверь, он встал напротив сына и изучающе посмотрел ему в глаза.

– Где же твоя ангельская улыбка, малыш? – произнёс отец, смакуя каждое слово. Гор поднял на него глаза, было видно, что он честно попытался улыбнуться, но вышла лишь жалкая гримаса, душевная боль буквально выворачивала парня наизнанку. – Хочешь заплатить за свою ошибку?

– А что, так заметно? – наконец отозвался сын.

– У тебя просто на лбу написано горящими буквами «сделайте мне больно», – отец весело рассмеялся.

Но Гор не разделил его веселья, на его лице отражалось неподдельное страдание.

– Я же чуть не убил Анару, – простонал он. – Отец, если бы не ты, она бы умерла там одна, запертая в этой летающей могиле. Я всё готов для тебя сделать.

Такого порыва Венн не ожидал, мальчишка переживал случившееся как-то уж слишком трагично. Он, конечно, не венн, но даже для человека это был явный перебор, то, что между ним и Анарой существовали не только дружеские отношения, стало очевидно. Этот неприятный сюрприз Создателя не столько разозлил, как огорчил, но разбираться с этим сейчас было не время, а вот воспользоваться временной сла-

бостью своего упрямого отпрыска стоило.

– Что ж, тогда перестань демонстративно нарушать мои приказы,– Венн злорадно ухмыльнулся.

Гор резко вскинул голову, но тут же снова опустил глаза.

– Я постараюсь,– пообещал он едва слышно.

– Давай сделаем так,– деловито предложил отец,– если какое-то моё распоряжение опять вступит в противоречие с твоим своеобразным чувством справедливости, ты подойдешь ко мне, и мы всё обсудим. Договорились? – сын облегченно кивнул. – И что же мне с тобой делать? – пора было переходить к цели очередного посещения дома наказаний, но Венну совершенно не хотелось выкачивать из сына последние силы, тот и без того еле держался на ногах. – Это же действительно была не ваша с Сабиним вина, а, скорее, мой недочёт. Мне нужно было либо рассказать вам про правила перемещения по альтернативным Реальностям, либо уж отключить в вимане лишние функции. Не ожидал, что вы окажетесь такими шустрыми и безрассудными,– он замолчал и печально посмотрел на сына. – Но тебе ведь нет до этого дела, Ангелочек ты мой,– улыбнулся отец,– ты во всём винишь только себя. Думаешь, физическая боль излечит душевную?

– Не знаю, но попробовать стоит,– Гор вовсе не пытался пошутить, он рассуждал вполне хладнокровно и, как ему самому казалось, рационально.

– Дурачок,– отец ласково обнял сына за шею и прижался своей щекой к его щеке,– ну тогда держись,– прошептал он

ему на ухо,— я отправлю охранников подальше, чтобы они не слышали твоих криков, не хочу позорить своего сына.

Гор удивлённо посмотрел на отца, но промолчал, раньше такого не случалось, чтобы тот нарушал свои же законы. Если честно, от его слов Гору стало не по себе, но не идти же теперь на попятный. Отец вернулся, бросил на пол меховое одеяло и уселся на него со скрещенными ногами. Он закрыл глаза и легко перехватил управление сознанием своего сына. Следующие десять минут парень бился в агонии от боли, которая разрывала всё его тело на части. Устоять на ногах он не смог, и железные скобы, удерживавшие его руки, очень быстро сломали ему запястья, но он этого даже не заметил. А вот за репутацию сына Создатель переживал совершенно напрасно, Гор упорно молчал. Наконец парень потерял сознание и с облегчением провалился в спасительную черноту. Очнулся он уже на меховом одеяле, у него ничего не болело, запястья снова были целыми, но вот пошевелиться он пока не мог, пережитый болевой шок его буквально парализовал.

— Ну что, хватит с тебя? — Венн похлопал сына по щеке. — Молодец, хорошо держался, я даже не ожидал. Полежи немного, отдышись,— он поднёс к его губам плоскую с водой, и Гор моментально выпил всё до капли. — Вот что я скажу тебе, дружок,— Венн сочувственно улыбнулся,— ты очень скоро убедишься в том, что твой метод не сработал, он и не должен был сработать. Но жить с чувством вины нельзя, тебе придётся принять тот факт, что ты вёл себя безрассудно,

и простить себя за это, только так ты избавишься от своей душевной боли. Используй свои сегодняшние переживания, чтобы заякорить факт принятие себя таким, каков ты есть. Справишься? – Гор задумчиво посмотрел на отца и кивнул. – Вот и славно, – Венн протянул ему руку, – я думаю, ты уже в состоянии подняться на ноги, а мне ещё с твоим братом разбираться.

На следующий день отец зашёл навестить своего младшенького и с удовлетворением отметил, что Гор снова улыбается. Как странно всё-таки устроено наше сознание, сколько раз Венн ловил себя на мысли, что дорого бы дал, только чтобы больше никогда не видеть эту улыбку, и вот на тебе, стоило малышу потерять способность улыбаться, как ему уже этой наглой улыбки стало не хватать.

– Рад, что ты справился, мой мальчик, – проговорил отец, – впрочем, я в тебе не сомневался. Пойдём, прокатимся, покажешь мне, чему ты научился.

– На вимане? – Гор в ужасе вытаращил глаза. – Да я к этой чёртовой машине даже приближаться не хочу.

– Не позволяй страху управлять собой, – строго попенял ему отец. – Если ты прямо сейчас не сядешь в кресло пилота, то будешь бояться всегда.

Гор со вздохом поднялся и поплёлся вслед за отцом, как на казнь. Однако тот, как всегда, оказался прав, стоило парню занять место пилота, как весь его ужас перед полётами смыло как волной. Они неслись низко над поверхностью, вы-

писывая замысловатые выражи, и спокойная улыбка снова играла на губах Гора. Управление виманой абсолютно не мешало ему разговаривать с отцом, его концентрация оставалась железной, что немало порадовало последнего.

– Отец, расскажи, как ты вчера заставил меня испытывать такую боль, – попросил сын, – ты ведь просто сидел напротив и ничего не делал.

– Я взял под контроль твоё сознание, дружок, – улыбнулся отец, – и просто внушил тебе ощущение боли.

Парень на секунду задумался, вимана выписала в небе восьмёрку и стрелой взмыла вверх.

– Мне почему-то кажется, – заявил он, – что для того, чтобы выкачать из человека жизненную силу, тебе тоже достаточно просто сидеть напротив и совершенно не требуется втыкать в него эту иголку-переросток.

– А я всё думал, когда ты догадаешься, – Венн весело рассмеялся.

– Тогда зачем нужен весь этот антураж с белой иглой? – удивился сын.

– Это очень древний ритуал, – отец расположился поудобней и принялся рассказывать. – Я и сам не знаю, откуда он появился, белый стилет перешёл ко мне по наследству от отца. Ритуал раньше не использовали для наказания, только как испытание воли и способности к самоконтролю. Все мужчины рода его проходили, для некоторых, кстати, это заканчивалось смертью. А вот насчёт бесполезности антура-

жа ты не прав, белая игла играет свою роль. Во-первых, сам факт, что человеку протыкают грудь клинком, сильно давит на психику, испытываемый же не знает, что игла не задевает никаких жизненно важных органов. А во-вторых, это всё-таки довольно болезненно, хотя и не критично.

– Да уж,– хмыкнул Гор,– когда мне было тринадцать, то показалось, что это было просто чертовски болезненно.

– Ну всё познаётся в сравнении, не так ли,– отец хитро подмигнул. – Думаю, твой вчерашний опыт это доказал, теперь тебе известно, что такое настоящая боль. Кстати, а как-то это наблюдать, как рукоятка иглы начинает светиться голубым светом, когда твои силы начинают быстро убывать? Обычно, все отворачиваются, чтобы этого не видеть, я и сам так сделал в своё время, но это не более, чем психическое воздействие,– с этими словами Венн достал из ножен белый стилет и бросил его сыну на колени. Игла засветилась мертвенным голубым светом, и Гор истерично расхохотался.

– Так это просто трюк,– он покачал головой. – А почему ты стал использовать ритуал для наказаний?

– Всё очень просто, малыш,– усмехнулся отец. – Зачем изобретать колесо, когда всё равно нужно исполнить наказание? Ну и кроме того, это же ещё один стрессорирующий фактор. Одно дело, когда ты знаешь, что это просто испытание твоей воли, и совсем другое, когда приходится гадать, то ли это пытка, то ли казнь. Грань, отделяющая одно от другого в этом испытании очень тонка, на этом, кстати, многие ло-

маются.

– Как Сабин? – уточнил Гор.

– Да, твой брат в первый раз сломался именно на этом, – подтвердил Венн.

– Значит, ты бы не дал ему умереть, – младшенький саркастически усмехнулся. – Выходит, я зря тогда геройствовал?

– Ну как ты мог подумать, что я дам погибнуть своему преемнику, – отец потрепал Гора по щеке, – но ты спасал его просто самоотверженно, это дорогого стоит. Не обижайся.

Они замолчали. Гор переваривал услышанное и обиженно сопел, из спасителя брата он только что превратился в шута горохового.

– Что у тебя с Анарой? – внезапно задал вопрос Венн. Вимана вильнула и ухнула вниз метров на двадцать, так как Гор на мгновение потерял концентрацию. Он быстро справился со своими нервами, но первая реакция выдала его с головой. – Значит, мне не показалось, – зловеще прокомментировал отец этот незапланированный вираж.

Гор затравленно молчал. То, чего он так боялся, наконец случилось, их запретная связь с Анарой выплыла наружу.

– Включи автопилот и иди сюда, – приказал Создатель, враз превращаясь из строгого, но доброго папочки в вершителя человеческих судеб. – Я скажу тебе это один единственный раз, Гор, – жёстко отрезал вершитель, когда сын уселся в кресло напротив него, – Анара предназначена для моего преемника, ты никогда её не получишь, смирись с этим.

Для Сабина – это вопрос его развития как Творца, без своих женщин венны не могут творить, а ты – человек, ты найдёшь себе человеческую женщину. Тебе всё ясно?

– Я люблю её, отец, – тихо, но твёрдо произнёс Гор.

– Глупости, – отрезал Создатель, – поменьше потакай своим прихотям, и запомни, это не тот вопрос, где я готов буду спустить тебе неповиновение, если не подчинишься – умрёшь. – Гор удивлённо посмотрел на отца, он, конечно, предполагал, что тот будет не в восторге, но, чтобы вот так, запросто угрожать сыну смертью, это просто в голове не укладывалось. – Это слишком серьёзно, – продолжал Венн уже мягче, видя ошарашенное лицо своего отпрыска, – не нужно проверять мои чувства к тебе на прочность. Всё, разговор окончен, – с этими словами он встал и сам уселся в кресло пилота. Вимана совершила прыжок и мягко приземлилась на центральной площади.

С того дня поведение братьев резко изменилось, щенячий азарт и безрассудные выходки были забыты раз и навсегда, им на смену пришли холодный расчёт и железное самообладание. Теперь за их безопасность можно было не переживать, Создатель был доволен. Наверное, если бы этой истории с Анарой ни случилось естественным образом, её бы стоило создать искусственно. Гор, похоже, внял предупреждению и больше не демонстрировал свои чувства к девушке, по крайней мере, на людях. Анара тоже вела себя спокойно, больше не устраивала истерик из-за этого малолетнего пре-

ступника. Почти целый год жизнь текла как спокойная река по проложенному Создателем руслу. Увы, это спокойствие оказалось лишь иллюзией.

Глава 5

– И всё-таки я не понимаю, как Создатель может перехватывать управление ангелами, которые, по сути, являются моим проявленным сознанием, – в голосе Антона можно было явственно уловить нотки недовольства.

– А ты никогда не пытался анализировать, как ты, собственно, сотворяешь Реальность? – ехидно поинтересовался Венн. – Впрочем, о чём это я? Ты ведь действуешь интуитивно, Ангел, для тебя сотворение Реальности – это такая же привычная функция твоего сознания, как пищеварение для твоего желудка. И всё-таки попробуй хоть разок использовать свой аналитический аппарат.

– Ну извини, я не венн, чтобы всегда и везде полагаться только на свой интеллект, – Антон бросил дуться и улыбнулся. – Кстати, мне моя интуиция нравится гораздо больше.

– Я и не утверждаю, что интуиция чем-то плоха, – поспешил оправдаться насмешник, – у веннов тоже есть интуиция, только она основана на быстром и частично бессознательном анализе. У людей этот механизм работает хуже, зато всегда присутствует эмоциональный подтекст, он-то и даёт столь значимый эффект. Но оставим это выяснение, у кого что длиннее. Итак, с чего, по-твоему, начинается процесс творения?

– Так, сначала я создаю мыслеобраз, – Антон смешно

сморщил лоб, как бы в поисках гениальных прозрений,— а потом накачиваю его низкими вибрациями.

— Стоп,— вклинился Венн,— это далеко не начало. Когда ты создаёшь мыслеобраз, то твоё намерение уже сформировано, причём зачастую в очень конкретных словесных формулировках. А откуда берётся это намерение?

Антон задумался уже всерьёз, он попытался воссоздать в памяти, как он решил создать ангелов, откуда взялась эта не столь уж очевидная идея. Венн его не торопил, он видел, что сын в своих рассуждениях двигается в правильном направлении.

— Я не могу это правильно сформулировать,— наконец пожаловался Гор. — Ты прав, сначала это возникает как идея, как непонятно откуда взявшееся понимание. Но только это понимание или, скорее, ощущение, возникает не на уровне слов, перевод в слова происходит позднее.

— А ты не так уж безнадежен, Ангел,— Венн удовлетворённо кивнул. — Да, это, как ты выразился, ощущение сначала проявляется в виде вибраций, и только потом наш ум переводит эти вибрации в словесные коды и образы. А что происходит за мгновение перед тем, как понимание возникает в твоём сознании?

Антон завис в полном недоумении, ведь ему-то казалось, что это мистическое ощущение и является началом процесса творения. Однако немного подумав, он вынужден был признаться, что каждый раз перед появлением этого понимания

возникало ещё нечто. Вот только сформулировать, что это такое, он никак не мог.

– У меня не получается описать это словами,— вынужден был признать Создатель ангелов.

– Молодец, что не стал фантазировать,— похвалил его отец,— ты и не смог бы это описать, потому что это явление принадлежит миру пятого измерения, и в нашей Реальности для него просто не существует понятий.

– Ты хочешь сказать, что моё сознание каким-то образом контактирует с пятимерной Реальностью,— уточнил Антон,— то есть, с Реальностью Создателя.

– Нет, не контактирует,— Венн с улыбкой посмотрел на своего умудрённого годами, но не слишком интеллектуального отпрыска,— оно сливается с сознанием Создателя, причём по инициативе последнего.

– Как это сливается? – Антон с недоумением воззрился на отца. – Создатель, что ли, поглощает моё сознание? Но разве этот процесс может быть обратим?

– Никто ничего не поглощает,— фыркнул Венн,— слияние возможно и без этого, просто нужно на время заблокировать связь ума с сознанием. Ум создаёт иллюзию разделённости проявленных форм единого сознания. Если его заблокировать, то различные формы могут объединиться.

– Это та самая техника, которую использовал Сабин, чтобы расправляться с Творцами,— догадался Антон. – Выходит, эту технику придумали венны, а не мой братец.

– Эту технику придумал наш Создатель,– насмешливо усмехнулся отец,– а Сабин только её немного усовершенствовал. Я, кстати, с большим интересом наблюдал, как он с её помощью отымел весь ваш так называемый Высший Совет, а ты только беспомощно сложил лапки. А ведь эта техника была для тебя не нова, Гор. Я знаю, что ты практиковал с Анарой и, значит, не мог её не использовать. Это всё та же техника слияния сознаний, которую используют веннские мужчины, чтобы подключиться к источнику созидательной энергии.

– Поверишь,– Антон развёл руками,– я никогда не блокировал ум Алисы во время практики слияния сознаний.

– Тогда какая же сила заставляла ваши сознания сливаться? – Венн скептически поджал губы.

– Любовь,– просто ответил Антон.

– Даже комментировать не стану,– отец пренебрежительно дёрнул плечом,– можешь и дальше пребывать в иллюзиях, если тебе так нравится.

– Да, оставим этот вопрос,– согласился сын. – Ты так и не пояснил, зачем Создатель устраивает это слияние сознаний.

– Представь, что ты хочешь написать картину,– начал объяснение отец. – Образ этой картины сначала созревает в твоём уме, и этот образ объёмный. А вот сама картина плоская, то есть можно сказать, что картина является проекцией трёхмерного образа в двухмерной Реальности. Однако ценность творения, как ни странно, заключена не в образе, а в

картине, хотя мерность образа выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.